Андрей

БАДИН

Малолетка

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Русский бестселлер

Андрей Бадин

Малолетка

«Автор»
2000

Бадин А. А.

Малолетка / А. А. Бадин — «Автор», 2000 — (Русский бестселлер)

ISBN 5-04-004010-5

«… Алексей был хорошим, веселым парнем, и когда Витек попросил помочь взять в заложницы дочку одного очень богатого предпринимателя, он с радостью согласился.Теперь они вдвоем, в масках, сидели в машине у дома богатея и готовились к захвату.Главная трудность этого предприятия была в том, что за Катей – десятилетней дочерью миллионера Альфреда Репутатского – неотступно следовал вооруженный охранник. Он был атлетом, владел многими приемами рукопашного боя, а под мышкой у него висела кобура с пистолетом Макарова…»

ISBN 5-04-004010-5

© Бадин А. А., 2000
© Автор, 2000

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 20
Глава 3 26
Глава 4 32
Глава 5 42
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Андрей Бадин
Малолетка

Глава 1

В жаркий субботний день августа тысяча девятьсот девяносто девятого года во двор на Сретенке въехали обшарпанные «Жигули» первой модели.

В салоне сидели двое мужчин. За рулем был необычайной ширины атлет-качок. Рядом сидел худосочный лысый парень.

Амбала звали Алексей Коновалов, а безволосого Виктор Демин.

Одеты они были в джинсы с лейблами «Вранглер», но турецкого производства, корейские кроссовки «Адидас» и футболки с дешевого вещевого рынка. Причем на Демине футболка висела как на вешалке, а на Коновалове трещала по швам, подобно коже на барабане.

«Жигули», красуясь ржавыми дырами в крыльях, остановились у помойки.

Парни внимательно осмотрели двор и устремили свои взоры на детскую площадку, туда, где играли маленькие, сопливые мальчишки и девчонки.

– Вон она, – сказал Витек и протер свою лысую, загорелую голову грязным носовым платком.

– Точно она? – пробасил Леха, с недоверием взглянув на друга.

– Без сомнения. Вон и ее телохранитель сидит в тенечке на скамеечке. Он хилей тебя, так что ты его в два счета уделаешь.

– Слушай, Демин, может, бросим это дело?

– Нет, раз приехали, доведем до конца. Я, во всяком случае, от своего не отступлюсь, у меня выхода другого нет.

– Ну ладно, – пробубнил чудо-богатырь Леша, – куда ты, туда и я. Ты ведь без меня не справишься.

– Естественно.

Парни вынули из «бардачка» заранее приготовленные черные чулки с прорезями для рта и глаз и начали надевать их на головы. Демину чулок моментально налез на его скользкую, лоснящуюся от пота лысину, а вот Коновалову пришлось потрудиться: башка у него была большая, с густым ежиком коротко остриженных волос. С тонкими кожаными перчатками было еще сложнее. Демин надел их без труда, а Коновалов не мог напялить на руки. И это несмотря на то, что купил он самый большой размер.

– Надо было боксерские приобрести, – съязвил Витя и ухмыльнулся.

Наконец черная кожа плотно обтянула ладони Лехи и можно было приступать к делу. Алексей взялся за руль, и перчатки жалобно затрещали, предвещая скорый разрыв.

Алексей был хорошим, веселым парнем, и когда Витек попросил помочь взять в заложницы дочку одного очень богатого предпринимателя, он с радостью согласился.

Теперь они вдвоем, в масках, сидели в машине у дома богатея и готовились к захвату.

Главная трудность этого предприятия была в том, что за Катей – десятилетней дочерью миллионера Альфреда Репутатского – неотступно следовал вооруженный охранник. Он был атлетом, владел многими приемами рукопашного боя, а под мышкой у него висела кобура с пистолетом Макарова.

Друзья смотрели на его разбитые на тренировках по карате кулаки, на его короткую, под «бобрик», стрижку, на узкий лоб, тяжелые надбровные дуги и массивную, чуть выпяченную вперед нижнюю челюсть. Да, телохранитель лицом напоминал питекантропа, и даже в его переваливающейся с боку на бок матросской походке было что-то от гориллы. Разве что он не угугукал, не колотил кулаками в грудь и не скакал вприсядку вокруг песочницы. Но одет он был довольно прилично, не то что друзья в «Жигулях».

На нем был элегантный, в тысячу долларов, белый костюм, с лейблами от «Версаче» (а на самом деле польский), модные ботинки, белые носки и белая рубаха. Звали телохранителя

Григорий Дуболомов, к дочери миллионщика он был приставлен охранным агентством «Крутые кулаки», в котором работал. Ему платили тысячу долларов за совсем не пыльную, спокойную работу – охрану маленькой Катеньки.

Сама Катя играла тут же, в песочнице, и гоняла большую радиоуправляемую модель танка по построенным для этой цели барханам.

Она была одета в красивые, но недорогие, небесного цвета джинсы, белую адидасовскую футболку, кроссовки и красную бейсболку. В руках у нее был пульт управления танком, и она лихо двигала джойстиками, заставляя игрушку утюжить искусственные препятствия.

Она в очередной раз повернула руль, и танк на полной скорости врезался пушкой в высокую пирамиду из песка. Песок обрушился на танк, завалив его полностью, но через мгновение он вынырнул с другой стороны, лихо развернулся, вскарабкался на покоренную вершину и остановился.

– Ааа!! – закричала в восторге Катя.

Несколько маленьких мальчишек и девчонок восхищенно наблюдали за маневрами игрушки, и им не терпелось тоже попробовать поуправлять ею. Но Катя пока не наигралась, и ребятишки безропотно ждали, когда она соблаговолит дать им прикоснуться к заветным рычажкам.

Итак, Кате Репутатской было полных десять лет, и она была веселая, добрая, сообразительная девочка. В школе она училась только на «отлично», то ли способная была, то ли богатый папа щедро платил учителям.

– А как же иначе, – хвастался он перед своими тоже не бедными друзьями. – Моя единственная дочь должна учиться только на «отлично».

На все, что касалось его имиджа преуспевающего бизнесмена, Альфред Репутатский денег не жалел, чего нельзя было сказать о Кате. На ее одежде, игрушках, питании он экономил как мог. Единственный раз он купил ей хорошую игрушку – танк, и то в комиссионке по сниженной цене.

Катя была крупнее своих сверстниц, более развитая и намного более озорная. Она была пацаном в юбке, ее привлекали не куклы, а игрушки вроде танков, самолетов и машин, и она любила играть в войну.

Она уже два года занималась в балетной студии, и во сне видела себя на сцене Большого театра, в лучах софитов. Ее походка была абсолютно балетная – с прямой спиной, вытянутой тоненькой шеей и разведенными в стороны ступнями. Она не шла, а плыла по улице, как лебедушка по водной глади, при ходьбе держала осанку и задирала нос кверху. Но высокомерной или надменной она не была, просто пижонила, показывая окружающим свою принадлежность к великому искусству. В зале она трудилась до седьмого пота, беспрекословно выполняла все указания балетмейстера, безропотно проглатывала окрики, понукания и замечания и была прилежной ученицей. Она хорошо танцевала, и из нее действительно могла вырасти первоклассная балерина.

У нее были милые, приятные черты лица: курносый нос, озорные карие глазки, тонкие, похожие на взмах птичьего крыла, брови и красивые, кокетливые губки. Да, милый ребенок Катя обещал вырасти в красивую, смазливую девицу. Она была худенькая, длинноногая, длиннорукая и длинношеяя, как все дети в этом возрасте, и когда надевала джинсы, футболку, кроссовки, когда закалывала в пучок свои русые волосы, то становилась похожа на пацана. Во дворе у нее было прозвище – Репа. Ее «крутого» папашу тоже звали Репа, но среди таких же, как он – «крутых».

Катя играла в песочнице, а Коновалов с Деминым напряженно следили за каждым ее движением.

– Приготовься, – сказал Леха, – как только телохранитель хоть на секунду отвернется, мы выскакиваем, подбегаем и вырубаем его на месте. Вернее, я его выключаю, а ты хватай девчонку и волоки в машину.

Томительное ожидание длилось несколько минут, а охранник Дуболомов сидел на лавке и тупо смотрел на Катю. Коновалову казалось, что он даже не мигает.

Вдруг на нижней ветке дерева, прямо над скамейкой, пронзительно каркнула чем-то рассерженная ворона, и большой шматок зеленого, зловонного помета плюхнулся на плечо белоснежного пиджака охранника. Видимо, птица склевала что-то недоброкачественное на соседней помойке.

Гриня вздрогнул от неожиданности, перевел взгляд на какашку, затем вверх – на ворону, и его глаза вдруг начали наливаться кровью. Он открыл рот и хотел гаркнуть что-то матерное, но ворона вновь задрала хвост, поднатужилась и у нее из задней части опять выбрызнулась струя мерзких испражнений. Гриня едва успел закрыть рот. Взбешенный телохранитель покраснел как сваренный рак и вскочил со скамейки. Удовлетворенная своей меткостью птица довольно каркнула, расправила крылья, подпрыгнула и полетела по двору.

Ворона присела на козырек подъезда близстоящего дома. Гриня заревел как тигр, схватил обломок кирпича и ринулся в атаку. На бегу он размахнулся и что было силы метнул камень в птицу, но попал не в нее, а в окно квартиры на втором этаже. Стекло со звоном рухнуло в палисадник, а кирпич упал на кухонный стол, где обедала престарелая чета. Он разбил дешевый чайный сервиз. Старики испугались, от неожиданности повскакивали со своих мест и бросились к окну. Когда же во дворе они увидели рослого детину, злобно размахивающего ручищами, то решили стерпеть, в перебранку с ним не вступать.

Дуболомов немного остыл от первого приступа ярости и решил больше кирпичи по двору не швырять. Он достал носовой платок и стал аккуратно стирать им помет со своего пиджака. Катенька и другие дети всплеска его злости не заметили и продолжали играть на песочной площадке.

– Пора, – прошептал Коновалов, и они вдвоем молниеносно открыли двери и кинулись вон из машины.

Леха рванулся к застывшему у подъезда телохранителю, а Витек к дочери миллионера.

Дуболомов не заметил их атаки и продолжал размазывать какашку по белой ткани костюма. Коновалов тихо приблизился к нему и остановился сзади, готовясь к нападению. Гриня стоял спиной к песочнице и не видел, как Демин подбежал к Катеньке, обхватил ее рукой за талию, приподнял и аккуратно понес к машине. При этом пульт управления танком выпал из ее пальцев.

– Ой, вы чего? – сказала девочка, напуганная видом черной зловещей маски. – Я свою игрушку забыла.

Обескураженный Витек остановился, обернулся и осмотрел детскую площадку. Детишки, обрадованные исчезновением хозяйки танка, выстроились в очередь и быстренько рассчитались на первый, второй, третий… чтобы решить, кто под каким номером будет управлять машиной.

– Ладно, – пробубнил Витек, – пусть дети играют, мы тебе новый купим. – Он повернулся и кинулся к своей развалюхе.

– Ну тогда несите, – согласилась Катя и для удобства схватилась руками за плечо Витька.

Дуболомов стоял не шелохнувшись и все тер пятно на пиджаке, а Коновалов притаился за его спиной. Он все время оборачивался и поглядывал на действия Демина. Он видел, как тот схватил Катеньку в охапку и понес, видел, как они остановились и о чем-то разговорились. Леха нервничал, мысленно поторапливал друга и надеялся, что захват пройдет без драки и кровопролития. Ему очень не хотелось ввязываться в бой с тренированным охранником, к

тому же вооруженным пистолетом. Но события, как всегда, развиваются по закону подлости, и этот раз не был исключением.

Не успел Демин добежать до «Жигулей», как охранник невзначай повернул голову и бросил мимолетный, тусклый взгляд на песочницу. Он хотел убедиться – на месте ли Катенька, но, не обнаружив ее, забеспокоился. Он резко обернулся и уткнулся носом в черную маску Коновалова.

От неожиданности он вскрикнул, вскинул руки и выронил испачканный пометом носовой платок.

Коновалов не боялся драться, но он был миролюбивым человеком.

– Стой и не двигайся, – гаркнул он охраннику, – и останешься цел.

Тот на мгновение опешил, но, увидев бегущего к машине парня в черной маске с Катей под мышкой, понял – это захват. Он представил себе, что с ним сделает его босс, когда узнает, что он струсил и не защитил клиентку их фирмы.

Подумав долю секунды и не увидев в руках у широкоплечего никакого оружия, Гриша решил драться. Он сделал шаг назад, расстегнул пуговицу пиджака, отдернул полу и быстро запихнул руку себе под мышку. Как только пальцы дотронулись до рукоятки «макарова», он с облегчением выдохнул и почувствовал себя спокойней. Он видел, что противник не вооружен и у него в руках нет ни ножа, ни пистолета, ни даже палки. Гриня ведь не знал, что Леха Коновалов сам был смертельным оружием.

Алексей десять лет служил в отряде особого назначения «Гром» Главного разведывательного управления при Генеральном штабе СССР и имел большой опыт разведывательных и диверсионных операций. Он мог без оружия, голыми руками, разделаться с тремя вооруженными, тренированными бойцами спецотряда. Правда, это было давно, десять лет назад, а за этот срок много воды утекло. Но Леха кое-что еще помнил и не испугался одного заплывшего жиром и раздутого от анаболиков горилловидного охранника.

Гриня выхватил пистолет, передернул затвор и одним движением пальца снял его с предохранителя. Алексей Коновалов стоял в метре от него и с улыбкой наблюдал за его расторопными действиями. Дуболомов сам себе казался великолепным, и как только готовый к стрельбе «макаров» отяжелил ладонь, он расставил ноги, схватился за оружие обеими руками и, как супермен в крутых американских боевиках, выставил его вперед.

– Лежать, руки за голову! – взвизгнул он и направил ствол в лоб террористу.

Алексей сделал шаг влево, стремительно размахнулся и резко ударил по его руке. Левая кисть саданула по запястью Дуболомова сверху, а правая снизу, пистолет вылетел из хрустнувших пальцев, описал в воздухе дугу и шлепнулся прямо в ладони Коновалова.

Леха сделал шаг назад, повертел в пальцах «пушку», затем точным броском зашвырнул ее в стоящий неподалеку мусорный контейнер.

Когда до охранника дошло, что его пистолет теперь лежит в мусорной куче вместе с арбузными корками, картофельной кожурой и мятыми молочными пакетами, его охватила ярость. Он заревел и своим увесистым, размером с помойное ведро, кулаком наметился садануть Алексея в челюсть. Леха отклонил голову, и удар просвистел мимо. Телохранитель по инерции завалился вперед, а Коновалов сделал ему подножку. Приемчик получился великолепный, Гриня споткнулся, рыбкой полетел к помойке и с лету ударился головой в пустой ящик для пищевых отходов. Грохот этого удара, как боксерский гонг, возвестил о безоговорочной, досрочной победе Алексея Коновалова, так как массивный Дуболомов распластался возле мусорки и не подавал признаков жизни. Но Леха этим не удовлетворился. Он подошел к охраннику, одной рукой схватил за шиворот, другой – между ног, нащупал в штанах маленькие, мягенькие яички и сильно сжал их. Дуболомов вскрикнул и пришел в себя. Леха легко приподнял его стокилограммовое тело и воткнул в помойный ящик головой вниз. Теперь тело-

хранитель и его пистолет были в одном вместе – среди тухлых помидоров, порченой рыбы и гнилого мяса. Ноги Дуболомова в белых брюках и белых ботинках торчали из помойки как флаги о капитуляции.

Коновалов кинулся к машине, открыл дверцу и сел за руль. Виктор и Катя уже расположились на заднем сиденье и нервно смотрели по сторонам.

– Ты чего так долго с этим хреном возился? – спросил Демин.

– У него член три сантиметра, не сразу нащупаешь, – ответил Леха и нажал на газ.

Ржавые «Жигули» дернулись, проехали пять метров и остановились.

– Черт возьми, мотор заглох, – рявкнул Коновалов и начал судорожно поворачивать ключ зажигания.

– Быстрее, а то охранник уже в себя пришел и из помойки вылезает.

– Успеем, – прорычал в ответ Леха.

– Он сейчас очухается, найдет свой пистолет и начнет палить, – занервничал Витя.

– Вот здорово, мы попадем в криминальную хронику сегодняшнего дня. Нас по телеку покажут, – обрадовалась Катя.

– Наши изрешеченные пулями трупы по телеку покажут, – запсиховал Демин. – Мало ты ему Леха врезал, он уже очнулся.

– Да я его вообще не бил, только в ящик воткнул.

– Слабо воткнул.

Тем временем Дуболомов пришел в себя и с огромным трудом попытался выкарабкаться из зловонной, смердящей помойки. Вдобавок ко всему помойку давно не убирали, видимо, дворник запил, и на дне, в протухшей, запревшей, чавкающей жиже завелись жирные белые опарыши. Они облепили его физиономию. Более гнусного возмездия за нерасторопность охранник получить не мог.

Григорий кое-как перевернулся в контейнере и наконец встал на ноги. Его некогда белый костюм намок и превратился в серо-буро-малиновый. Арбузная кожура и семечки прилипли к нему, и теперь бравый секьюрити стал похож на жалкого бомжа.

Гриня высунулся из ящика и сразу увидел «Жигули» ярко-желтого, как в народе говорят, поносного цвета. Захватчики были уже в кабине, а Катя сидела на заднем сиденье, смотрела на него и безудержно смеялась.

Дуболомов сразу понял, что у развалюхи заглох мотор и террористы не могут уехать с места преступления. У Григория появился шанс расквитаться с ними.

Голыми руками он сражаться не хотел, так как помнил точные, резкие, профессиональные движения широкоплечего, и решил для начала отыскать в дерьме свой пистолет.

Гриня был высокомерным и брезгливым, знал себе цену, но в теперешней ситуации он позабыл про свои привычки, быстро присел и запихнул руки по локоть в зловонную кашу.

– Он пистолет ищет, – запричитал Демин. – Сейчас найдет и откроет огонь.

– Не откроет, – успокоил его Коновалов. Сам Леха лихорадочно вращал ключ в замке зажигания, давил то на газ, то на сцепление, а мотор урчал, но не заводился.

– Здорово! – выпалила неизвестно чем обрадованная Катенька.

– А ты-то чего радуешься? – рявкнул на нее Демин, – из-за тебя все.

– Как же, из-за меня, из-за вашей дерьмовой автомашины, – парировала девочка, – она же не заводится. Была бы у вас иномарка, давно бы уехали. Тоже мне террористы. У моего папы несколько «Мерседесов», «БМВ», «Вольво» и джипов и все прекрасно заводятся.

– Сиди и молчи, – гаркнул Витек. Катя замолчала и обиженно уставилась в окно.

В который раз Леха поворачивал ключ, но списанный в утиль, а затем отреставрированный мотор работать не хотел.

Дуболомов от усердия даже встал на колени и на четвереньках ползал среди отбросов. Вдруг его пальцы наткнулись на долгожданный металл, он радостно вскрикнул и вынул из

жижи свой испачканный, многострадальный «макаров». Гриня хотел встать на ноги, но в этот момент кто-то из жильцов вывалил ему на голову помойное ведро с отходами, не зная, что в мусорном контейнере находится приличный человек в дорогом костюме.

Разгневанный Гриня высунулся из мусорки. Жилец кинулся наутек.

Дуболомов стряхнул с себя рыбью чешую и арбузные корки. В Москве стояла жара и был в разгаре арбузный сезон.

Коновалов видел, как охранник вылезает из контейнера, и что было силы повернул ключ в замке зажигания. Мотор на секунду взревел, а потом опять заглох.

– Чертова развалюха, да заводись же ты, – прорычал он и снова повернул ключ. На этот раз зажигание сработало безотказно, мотор затарахтел всеми своими цилиндрами, поднатужился всеми своими шестидесятью лошадиными силами, и «жигуленок» рванулся с места.

– Наконец-то, – облегченно выпалил Витек.

– Поехали, – хитро улыбнулась Катя.

Было видно, что приключение ей нравится. Она все время находилась дома, в московской квартире или на даче, в обществе угрюмого, молчаливого Дуболомова, или играла во дворе с не интересными ей сопливыми пацанятами. Большего отец ей не позволял. А тут вдруг такое рискованное путешествие с террористами!

Григорий вылез из ящика, поднял пистолет, прицелился в уезжающие «Жигули» и нажал на курок. Вместо выстрела из ствола вылезла жирная мокрица и шлепнулась на асфальт. Дуболомов несколько раз сильно махнул рукой и вытряхнул из пистолета воду, грязь и всякую живность. После этого он снова прицелился и нажал на крючок.

Грохот выстрела спугнул отдыхавшую на дереве все ту же ворону, и она от страха навалила целую кучу свежего помета. К счастью, Дуболомов находился в другом конце двора – у помойки, и эта блямба ему не досталась.

Пуля пробила лобовое стекло легковушки, влетела в салон и чуть не ранила Демина.

– Ложись, – рявкнул Коновалов и пригнулся за рулем. Витек схватил обеими руками Катю, стянул ее с сиденья и затолкал в промежуток между ними. После этого он навалился на нее всем телом и замер в такой позе.

Алексей на полной скорости понесся по двору. «Жигуленок» с визгом шин об асфальт вылетел на проезжую часть Сретенки и юзом развернулся.

Дуболомов бросился в погоню. Он бежал за уносящейся машиной и на бегу стрелял по ее колесам. До него не доходило, что пули могут ранить или убить Катю.

К счастью, в салон больше не залетела ни одна, но пассажиры все равно лежали на сиденьях, и только Коновалов, приподняв голову, следил за дорогой.

Григорий понял, что этот раунд он проиграл, но сдаваться не собирался. Он быстро достал мини-рацию и связался с братвой. Их офисом был большой, фешенебельный спортивный зал, где постоянно дежурила бригада из пяти человек и бойцы под руководством опытных наставников качали мускулы и тренировались. Это был частный зал и принадлежал он Герману Розовощекову – главарю бандитов и директору охранного агентства «Крутые кулаки».

– Это Дуб, – крикнул Гриня, когда услышал голос бригадира. – Мою подопечную захватили двое в масках. Меня чуть не убили. Угрожали автоматами, стреляли, но я дрался, сколько хватило сил. Мне нужна подмога, вышли братву.

«Фирма» под названием «Крутые кулаки» обеспечивала охрану квартиры миллионера, загородного дома, офиса, многочисленных автомагазинов и дочери Кати. Теперь двое захватчиков в масках стали помехой в их праведной работе и фактически объявили войну влиятельной бандитской группировке.

Дуболомов пробежал еще несколько десятков шагов и очутился на улице. Впереди, в ста метрах от него, виднелся задок желтых «Жигулей». Они быстро уходили по трассе. Гриня, не долго думая, выскочил на проезжую часть и расставил в стороны свои длиннющие, огромные ручищи, желая остановить машину.

Когда водитель такси увидел высокого, обезьяноподобного человека в сильно испачканном костюме, то он решил не притормаживать.

«Все равно у бомжа денег нет и платить ему за такси нечем», – подумал шеф, но ему все-таки пришлось остановиться. Дело в том, что он не мог объехать Гриню на узкой полосе.

Водитель нажал на тормоза, «Волга» пошла юзом, сбросила скорость, и ее бампер замер в нескольких сантиметрах от коленей Дуболомова.

Телохранитель рванулся к водительской двери, распахнул ее так, что чуть не сломал, запустил свою огромную, пахнущую помойкой руку в салон и схватил за шиворот испуганного таксиста. Тот и слова промямлить не успел, как оказался на асфальте, рядом со своим авто. Гриня запрыгнул в кабину, нажал на газ и сломя голову помчался в погоню.

– Он нас на такси преследует, – сообщил Демин, когда поднялся с сиденья.

– Вижу, не слепой, – процедил Коновалов.

Катенька вылезла из щели, в которую ее, спасая от пуль, затолкал Демин, и визгливо пожаловалась:

– Поаккуратней можно, а то вы на меня навалились, кепочка упала и помялась. – Она подняла, отряхнула и расправила свою бейсболку.

– Скажи спасибо, что тебя не пристрелил твой же телохранитель, – ехидно ответил Витя.

– Он не в меня стрелял, а в вас.

– А мог попасть в тебя, – добавил Леха.

Гриня несся по прямой, не замечая ни светофоров, ни машин. Он на полной скорости врезался бампером в едущий впереди «Москвич» и выпихнул его с дороги. Тот стал вращаться на шоссе, как волчок, затем вылетел на встречную полосу, чуть не столкнулся с грузовиком и, пролетев тротуар, остановился на обочине.

Гриня настигал «Жигули», и вот-вот его бампер готов был ударить в их задок, но не тут-то было. Леха следил в стекло заднего вида за приближением охранника и наконец придумал, как оторваться от его назойливого преследования.

Гриня обошел последнюю машину на шоссе, и теперь между «Волгой» и развалюхой Коновалова было расстояние в каких-нибудь пять метров. Дуб нажал на газ, прибавив скорости, и «Волга» с ходу врезалась в задний бампер «Жигулей». От этого удара малолитражка пошла юзом, но Леха сманеврировал, еле-еле удержал ее на дороге и избежал аварии.

– Ах ты гад, – пробасил он и вдавил педаль газа в пол. Видавший виды «жигуленок» поднатужился и начал медленно разгоняться. При этом его мотор заревел, как у тяжелого бомбардировщика. От такого стресса у «Жигулей» пробило прокладку головки блока двигателя, и вода начала поступать в камеру сгорания. Моментально из ревущей выхлопной трубы повалил белый пар, и создалось такое впечатление, что машина загорелась. Она быстро окуталась дымом, и ее не стало видно в густых клубах. Дуболомову пришлось резко сбросить скорость, чтобы проехать опасное место. Он влетел в это облако, пар наполнил кабину его «Волги». Дуб закашлялся, потерял ориентацию, резко надавил на тормоз, и «Волга», пролетев двадцать метров, встала. Он выскочил из машины и, выставив перед собой руки с растопыренными пальцами, кинулся вперед, к свежему воздуху. Постороннему наблюдателю могло показаться, что он слепой. Он шел не дыша, с закрытыми глазами и не заметил, что бетонный столб «вырос» на его пути. Левая рука прошла левее его, правая – правее, а вот лоб Дуболомова попал в самый центр. Удар был неожиданный и сокрушительный, послышался глухой треск, но что треснуло

– лоб или столб – было непонятно. Яркие искры полетели из Грининых глаз, и на мгновение ему показалось, что начался салют в честь Дня Победы. Перед глазами поплыло, он мотнул своей большой, топорно вырубленной головой, обхватил столб и осел по нему на асфальт.

– Оторвались, – радостно гаркнул Демин, – его «Волга» из дымового облака не выезжала.

– Черта с два оторвались, – расстроил его Леха, – движку конец, километр проковыляем и баста – встанем.

– А что делать? – Витек уставился на друга своими голубыми, наивными, как у младенца, глазами.

– Машину надо бросать и до квартиры добираться пешком.

– Так это же далеко?

– Ничего, на метро доедем.

– Можно и на такси, – встряла слушающая разговор Катя. – Можно и частника поймать, и лучше на иномарке, тогда точно доедем.

Парни, услышав ее не лишенную здравого смысла речь, замолчали, замялись и поникли, как цветы в прокуренном помещении. Дело в том, что у них не было денег ни копейки. Для того чтобы заправить «Жигули» бензином, Витек продал на барахолке свои часы, продал задарма, за ничто.

– Ну что, поедем на такси? – прищурилась Катя и с ухмылкой посмотрела на террористов. Она видела только их глаза в прорезях черных масок, приплюснутые широкие носы, выпирающие из-под плотной ткани, и искаженные гримасой озабоченности рты.

– Мы, наверное, на метро поедем, – ответил Леха и уставился на дорогу.

– А вы и в метро в масках поедете? – не унималась дотошная девочка.

– Маски в метро снимем, – сказал Коновалов. Он посмотрел в зеркало заднего вида на дорогу и, убедившись, что погони нет, сбросил скорость.

Они ехали по Садовому кольцу в направлении Измайлова, где на Сиреневом бульваре у Коновалова была однокомнатная квартира. Мотор развалюхи продолжал дымить, начал стучать и готов был вот-вот загнуться. Белый дымовой шлейф, оставляемый машиной, привлек внимание гаишников, и вслед им устремился милицейский «Форд». С включенной сиреной служители закона обогнали развалюху и в мегафон приказали остановиться.

– Что будем делать? – спросил взволнованный Коновалов.

– Сдаваться, – сник Витек и хотел уже снять черную маску, но друг его остановил:

– Не надо, а то они наши лица увидят.

– Так что же, в масках будем сидеть?

– Да, в масках.

– А если они ваши права будут проверять и документы на машину? – удивилась Катя.

– А у нас нет ни прав, ни документов, – ответил Леха. – Мы эту машину на помойке нашли, немного подреставрировали и всего один раз на ней выехали. Мы ее собирались после захвата бросить в каком-нибудь дворе.

– И пересесть в крутую иномарку, – продолжила мысль девочка.

Парни подавленно посмотрели на нее, и Коновалов ответил:

– Нет у нас никакой иномарки, ни крутой, ни всмятку.

– А автоматы или, на крайний случай, пистолеты с глушителями у вас есть? Чем вы от ментов отстреливаться будете?

– Нет у нас ни пистолетов, ни автоматов, – понурив голову, ответил Демин, – и мы отстреливаться не будем, мы будем сдаваться.

– Жаль, – скривила губки Катя. – Я думала, вы настоящие террористы, а вы… – Она посмотрела в окно на подходящего к машине гаишника и заскучала.

– Мы горе-террористы, – добавил Алексей и тяжело вздохнул.

Полный, бочкообразный, с животом, похожим на бурдюк, лейтенант ГАИ приблизился к «Жигулям» и отдал честь:

– Лейтенант Подковыркин. Предъявите ваши док… – как только он увидел за рулем здоровенного, широченного мужичину в черной маске, то сразу потерял дар речи.

Алексей сидел не шелохнувшись, держал руки на руле и внимательно следил за каждым движением милиционера.

Первой же мыслью, возникшей в усталом после ночного дежурства мозгу лейтенанта было: – «Негр за рулем». – Но, присмотревшись, он понял, что это не черная негритянская кожа, а чулок на голове водителя. Второй его мыслью было: – «Киллеры! И надо валить отсюда, пока цел». – Но, не заметив в движениях пассажиров агрессии, Подковыркин решил выполнить свой служебный долг – попросить у водителя права.

– Ваши права, пожалуйста, – выдавил он, будто не замечая, что тот в маске.

– А у меня нет водительских прав, – медленно произнес Коновалов и посмотрел гаишнику прямо в глаза. От этого взгляда у лейтенанта мурашки побежали по спине, но он пересилил свой страх и повторил:

– Права и документы на машину, пожалуйста.

– Нет ни прав, ни документов, – спокойно ответил Леха и продолжал сидеть за рулем без движений – как мумия.

– Выйдите из машины, – вежливо попросил инспектор ГАИ.

– Не выйду, – ответил Леха.

Подковыркин начал медленно отходить от «Жигулей». При этом его рука потянулась к автомату, висевшему у него на плече. Второй служитель закона в звании капитана, заметив подготовительные действия партнера, не долго думая, вскинул «калашников» и кинулся к развалюхе.

– Выйти из машины, руки на капот, – истерично завизжал он, а руки его затряслись так, будто он сжимал отбойный молоток.

Осмелевший лейтенант направил ствол в окно и рявкнул:

– Всем выйти!

– Что будем делать? – дрожащим голосом спросил Витя.

– Выходить, – пробубнил Коновалов, – больше ничего не остается. – Медленно, чтобы не спровоцировать гаишников к стрельбе, он открыл дверцу, поднял руки вверх и начал боком вылезать из кабины.

Демин же дверь открыл резко, быстро выскочил и так же быстро положил руки на крышу автомобиля. Катенька спокойно вылезла из салона, захлопнула дверь и оперлась о нее спиной.

– Документы, – завизжал Подковыркин.

– Нету документов, – спокойно ответил Коновалов.

– Паспорт?

– Нету паспорта.

– Почему в масках?

– Замерзли, – ухмыльнулся Леха.

– Снять маски, – приказал лейтенант, на что услышал категоричный отказ.

– Почему не снимете?

– Простудимся, – брякнул Демин.

– А почему девочка не в маске? – задал второй дурацкий вопрос Подковыркин.

– Она закаленная.

Та стояла, опершись спиной о дверь, и спокойно рассматривала гаишников и наведенные ей в лицо автоматы. Она не проявляла ни малейших признаков беспокойства и, как показалось Алексею, не собиралась воспользоваться предоставленной ей возможностью и бежать. Происходящие с нею события были для нее забавной игрой.

– Ты кто такая, девочка? – спросил ее лейтенант.

– Я – закаленная, – ответила Катя и надменно посмотрела на Подковыркина.

– Так, – промямлил тот, – сейчас я вызову наряд муниципальной милиции, и их отвезут в участок для выяснения личностей. – Он поднес рацию к губам, но воспользоваться ею не успел, так как металлический прут опустился ему на голову, и он мгновенно потерял сознание. От этого сильнейшего удара его фуражка отлетела на пять метров, голова дернулась, лейтенант обмяк и плюхнулся на дорогу. Второй гаишник успел обернуться, но получил сначала палкой по коленям, отчего согнулся в три погибели, а потом прутом по затылку. Он вздрогнул, выронил автомат и повалился на дорогу, как мешок. Лейтенант и капитан лежали рядом, а вокруг них на асфальте расползались две кровяные лужи.

Увидев их, Катя вскрикнула, от страха зажала рот и в ужасе взглянула на Коновалова. Тот весь напрягся, сжал кулаки и приготовился к отражению атаки.

Гриня Дуболомов сидел возле столба пять минут, сидел не двигаясь, пока его не оторвали от него братки.

– Ты чего к нему прилип? – съязвил бригадир Фома, – подумал, что это твоя баба?

– Меня машина террористов сшибла, и я, пролетев по воздуху двадцать метров, ударился об этот столб. Вот и шишка на лбу имеется. Он показал синяк и потер его широкой мозолистой ладонью.

– Столб мягкий попался, – усмехнулся приехавший с Фомой боец по кличке Газила.

Это прозвище ему дали неспроста – из-за его хамской привычки постоянно попукивать. Он это делал везде и без зазрения совести. Он мог за столом, во время званого обеда пустить шептуна в присутствии дам и друзей. Но самое неприятное было ехать с ним в машине. Он пукал и от этого веселился. Главарь банды хотел его за эти выходки сослать в Германию, мол, там ему и место, но потом передумал – еще здесь пригодится. А так Газила был верным другом и проверенным в делах бойцом.

Фома взял с собой и великого каратиста Клеща. Он был высокого роста, здоровенный бугай и очень тренированный, знал восточные единоборства. Он садился во все шпагаты и мог кулаком расколоть три белых кирпича, положенные один на другой. Даже Дуб колол только два.

У Клеща от постоянных ударных тренировок пальцы и кисти рук были сильно деформированы, не разгибались и находились в скрюченном положении. Несведущие люди думали, что в детстве он перенес полиомиелит, и сильно ему соболезновали, но на самом деле он колол пальцами доски, кулаками – кирпичи и черепицу, а локтями – бревна и бордюрные камни. «Крутой ци-гун» – звали его друзья. Даже лицо у него было выносливое. Босс собственноручно раскалывал о его голову бутылки, доски, а порой и кирпичи, и Клещ выдерживал все.

– Садись в машину, поедем искать твоих террористов, – ухмыльнулся Фома, и все залезли в новенький, только с конвейера джип «Линкольн Навигатор». Фома надавил на газ, и внедорожник полетел по трассе.

– Чем это от тебя так воняет? – спросил он, – не продохнуть.

– На меня вывалили помойный контейнер с мусором. Террористы за ним спрятались, когда я в них стрелял, а когда патроны кончились, я стал обойму перезаряжать, и один из них поднял контейнер и в меня метнул. Я увернулся, но мусор вывалился и запачкал костюм.

– Это каким же надо быть сильным, чтобы мусорный ящик в тебя кинуть? – скептически произнес бригадир. Чувствовалось, что он не очень-то доверяет россказням частенько привирающего Дуболомова.

По правде говоря, Фома думал, что дочка Репутатского сбежала от Грини и опять поехала к матери в психиатрическую больницу. Такие выходки у нее уже были, но, слава богу, ее ловили на полпути.

– Их было двое, и оба в черных масках. Один настолько здоровенный, я таких качков в жизни не видел, – продолжил Дуб свой «правдивый» рассказ. – Он мне как даст в челюсть, я аж пошатнулся, но на ногах устоял. Я тогда размахиваюсь и как его садану ногой в грудь, а он даже не согнулся. Тогда я ему кулаком в нос, а он увернулся и мне как даст локтем в лоб – я и упал.

– Прямо на столб, – засмеялся Газила и громко пукнул. Зловонное облако поползло по салону, а братки зажали носы пальцами и начали спешно опускать стекла, чтобы вдохнуть глоток свежего воздуха.

«Навигатор» маневрировал среди многочисленных машин и несся по Садовому кольцу.

– Вон они! – гаркнул Гриня, и все увидели желтые «Жигули» рядом с «Фордом» гаишников. – Этот здоровенный – террорист, – Гриня ткнул грязным пальцем в его направлении.

– Ни фига себе бульдозер, – вырвалось у Клеща, – его кувалдой не возьмешь.

– И девчонка с ними, – добавил Газила.

– И два мента, – Фома притормозил и перестроился в крайний правый ряд для того, чтобы подъехать к гаишникам.

– Действуем неожиданно и быстро, – приказным тоном начал он, а братки напряглись, жадно вслушиваясь в каждое слово бригадира. Шутки шутками, а дисциплина у «крутых кулаков» была железная. – Газила и Клещ убирают ментов, потом битюка, а я и Дуб хватаем девчонку. Если эти черномасочники дернутся, то перестреляем их.

Парни вытащили пистолеты и автоматы, передернули затворы и сняли с предохранителей, а Газила с Клещом достали из-под сидений металлические пруты.

Джип подъехал и остановился возле гаишников, бойцы молниеносно выскочили из кабины, приблизились, двумя ударами изувечили не успевших среагировать милиционеров. Те распластались на асфальте, а бандиты ринулись на Коновалова.

Алексей весь напрягся, сжал кулаки и приготовился к отражению атаки. Газила находился ближе всего и поэтому напал первым. Он размахнулся толстым, метровой длины прутом, чтобы врезать Лехе по шее. Тот присел, а прут просвистел у него над головой. Газилу по инерции закрутило, и он оказался к нему спиной. Леха подскочил к нему и произвел борцовский бросок через бедро. Алексей так рассчитал движение, чтобы бандит упал на Клеща.

Тот видел, как напарник промахнулся, решил ему помочь – занес прут над собой и кинулся в атаку. В этот момент Коновалов и бросил на него Газилу.

Ржавый прут саданул в ребра кувыркающемуся в воздухе парню. Газила вскрикнул и обрушился на голову Клеща, сшиб его, и они оба плюхнулись на лежащего на асфальте Подковыркина. Алексей добавил ногой приподнимающемуся бандиту. Белая кроссовка врубилась в его массивный, тяжелый подбородок, тот хрустнул и сместился на десять сантиметров в сторону, а бандит дернул головой и отключился. Газиле Алексей добавлять не стал, тому довольно досталось от прута его же товарища.

Фома выпрыгнул из джипа вслед за Гриней, выхватил пистолет и направил его на террориста в черной маске.

Алексей сделал шаг к лежащему на дороге гаишнику, стремительно нагнулся, схватил ствол автомата, поднял его и с размаху метнул в бригадира. Не успел Фома прицелиться, как брошенный автомат ударил его сначала по руке с пистолетом, а потом в грудь. Он выбил оружие и очень больно заехал рукояткой в солнечное сплетение. Фома охнул, согнулся пополам и опустился на корточки. Коновалов подскочил, размахнулся и врезал ему кулаком в подбородок. Голова откинулась назад, Фома потерял равновесие, завалился на спину и сильно ударился затылком об асфальт. Последнее, что он запомнил, были яркие искры и белые облака, плывущие по голубому российскому небу.

Дуболомов кинулся к Кате, схватил ее за руку и поволок к машине. Девочка не сопротивлялась, но шла с неохотой. Возвращаться к казарменному, полутюремному образу жизни, организованному для нее отцом, ей не очень-то хотелось. С двумя, по ее мнению, неопасными,

«добрыми» террористами ей было и веселей, и спокойней. К тому же по необъяснимой причине ее тянуло к огромному, широкоплечему захватчику. Она чувствовала, что от него веет каким-то теплом, добротой и силой. Таких чувств она не испытывала ни к одному человеку в мире. С каждой минутой общения он ей нравился все больше и больше.

А в эти мгновения приглянувшийся ей Коновалов разделывался с Фомой.

Витек обежал развалюху и встал на пути уводящего заложницу Дуболомова.

– Стой, ты куда? – рявкнул он и замер на безопасном расстоянии от него.

– Пошел вон, ЧМО (человек, мешающий обществу), – отмахнулся от него охранник и продолжал тащить Катю к «Навигатору».

– Леха, он не хочет нашу заложницу возвращать, – завопил Демин.

Закончив добивать последнего из братков, Леха обернулся и рявкнул:

– Вернет, куда он денется.

Услышав его голос у себя за спиной, Гриня вздрогнул. Он не следил за разворотом боя и в душе надеялся, что его физически развитые братки смогут втроем одолеть одного террориста. Но он ошибся. Все его «крутые кулаки» «отдыхали» в недвусмысленных позах на асфальте.

Гриня вжал голову в плечи и обернулся. Драться с Коноваловым ему больше не хотелось. Гриня выпустил руку Кати и сказал:

– Ладно, берите, но мои люди будут вас искать и найдут. Вот тогда и поговорим.

– Уже поговорили, – усмехнулся Леха и обнял девочку. Он посмотрел на довольную Катю, и вдруг на душе у него стало хорошо, тепло и спокойно.

– Уходим, Леха, – крикнул Демин и кинулся к бандитскому джипу.

Алексей помог Кате сесть на заднее сиденье, а сам поместился на переднем, рядом с водителем. Мотор взревел, но джип с места не тронулся.

Дело в том, что Витек не умел водить машину. Он мечтал научиться, но времени и денег не было, да и машины не было, и он все откладывал и откладывал. Теперь ему представилась прекрасная возможность начать свое затянувшееся обучение. Он с радостью нажал на газ, но джип стоял на месте как вкопанный и ревел, как Ниагарский водопад. Леха и Катя показали ему, как перевести рукоятку скоростей и прочее.

Широкие шины джипа засвистели на сухом, пыльном асфальте, покрышки задымились, и тяжелый задок пошел юзом. Через мгновение произошло сцепление с дорогой, и внедорожник, набирая скорость, устремился вперед.

– А-а-а-а! – закричал Демин и подскочил в водительском кресле. Его ликованию не было предела. Он первый раз сам вел машину, да еще какую.

«Навигатор» увеличил скорость и чуть не врезался в ехавший впереди «Москвич». Леха успел схватить руль и крутануть его влево. Джип объехал легковуху и беспрепятственно умчался с места бойни. Коновалов страховал Демина и следил, чтобы тот не побил окружающие их машины.

Внедорожник исчез из вида. Дуболомов смачно сплюнул и решил выпутываться из наихреновейшего положения, в которое он попал по причине своей трусости.

Гриня, несмотря на свой грозный вид, был парнем добродушным и, можно сказать, робким. Он никогда не принимал участия в избиениях коммерсантов, не плативших дань. На разборках в людей не стрелял, а если и стрелял, то старался промахиваться, беря мушку выше голов. Единственный раз он в азарте открыл огонь из пистолета по «Жигулям» террористов, не сообразив, что может кого-то ранить или убить. Он ведь стрелял по машине.

Когда его спрашивал Фома, почему он не ударит пару раз директора магазина, задолжавшего бандитам деньги, то он отвечал:

– Я его могу ударить, а вдруг убью или искалечу, кто тогда дань будет платить?

Братки знали про его природную силу и верили его словам. А Грине только и надо было, чтобы от него отстали. Да, Гриня Дуболомов был обыкновенным быком, каких много. Он получал тысячу долларов в месяц, делал то, что приказывали, и не больше. Сам на рожон не лез и в авторитеты не метил. Он занимал в группировке свое законное положение. Теперь авторитет Дуба оказался под угрозой. Гриня понимал, что когда Фома, Газила и Клещ очнутся, то они спросят, почему он, Дуб, жив, здоров, целехонек и даже без синяков? За трусость его могут избить и выгнать из банды. А может, даже и убить.

Гриня постоял с минуту, почесал затылок, думая, что предпринять, а потом заметил, как Фома начал мотать головой и мычать, как годовалый бычок. Следом за ним начали очухиваться Газила и Клещ. Тогда Гриня повернулся лицом к проржавевшим «Жигулям» террористов, перекрестился, разбежался и со всего маху врубился головой в боковое стекло. Он знал, что оно не каленое и поэтому легко разобьется под натиском дуболомовского лба. Голова Грини влетела внутрь, а массивное тело осталось снаружи. Осколки немного рассекли кожу на затылке, и струйки крови потекли по шее и мясистым щекам. Гриня мог сразу вынуть голову из дверцы, но решил повременить, подождать, пока его друзья его отсюда извлекут. Он согнул ноги, присел, притворясь нокаутированным, и стал ждать, пока Фома и ребята очнутся.

Ждал он несколько минут. Братаны пришли в себя, с трудом поднялись с асфальта и нашли Дуба в плачевном состоянии. Он висел в дверце легковухи и не подавал признаков жизни. Когда Фома подошел ближе и увидел струи крови, стекающие на дверцу, он подумал, что Дубу разбитым стеклом перерезало горло.

– Братва, – сдавленно прохрипел он, – Дуб похоже дал дуба.

Парни осторожно вытащили Григория из дверцы и посадили на асфальт.

– Вроде сопит, – прислушавшись, сказал бригадир.

Вдруг Григорий открыл глаза, сжал кулаки, размахнулся и врезал наклонившемуся к нему Газиле в челюсть. Тот еле-еле успел увернуться от массивной, увесистой, дуболомовской «пивной кружки» и закричал:

– Ты чего, не домахался?

Парни схватили Дуба за руки и попытались успокоить. Но не тут-то было. Дуболомов встал на ноги, несмотря на то, что на его руках повисли двое здоровых мужчин, и, пошатываясь, двинулся на Газилу.

– Бей, гад, – зарычал он, – бей, падла.

– Дуб, ты чего, это же я, – запричитал Газила и начал отступать от взбесившегося парня.

– У него от удара крыша поехала, – догадался Фома, – держи его крепче, а то он кого-нибудь замочит.

Братки навалились на Дуболомова. Гриня встал как вкопанный, но все равно хрипел и рычал, пытаясь что-то произнести. Наконец он мотнул головой, пришел в себя и на удивление быстро повеселел:

– А-а-а, это вы?

– Мы уж думали, тебя загасили, а потом решили, что тебя «кондрат хватил». А ты жив и здоров. – Фома отпустил его руку.

– А кто меня загасит? – прикинулся Гриня.

– Как кто, амбал в маске, – напомнил Газила.

– Какой амбал? – переспросил косивший под придурка Дуболомов.

– Катю захватили террористы и …. – начал Клещ, но бригадир его остановил.

– Потом расскажешь, или сам вспомнит. Надо отсюда сваливать, а то уже слышен вой милицейской сирены.

– Так террористы наш джип сперли, – с досадой вымолвил Газила.

– Поедем на ментовской машине, а «Навигатор» потом найдем, в него вмонтирован пеленг, – приказал Фома, и все набились в милицейский «Форд», и он с воем умчался с места преступления.

Глава 2

У господина Альфреда Репутатского по кличке Репа была шестикомнатная квартира площадью четыреста квадратных метров. Нанятые им шабашники-хохлы отремонтировали ее под евростиль, и он уже год проживал в ней со своей дочерью Катей. Мать Кати была душевнобольная и все время находилась в психиатрической больнице.

Отец запрещал Кате навещать ее. Репа не хотел, чтобы мать и дочь виделись и разговаривали. Катя с годовалого возраста выросла без матери и не очень-то страдала без ее ласки, заботы и любви. Она просто не знала, что это такое. Дело в том, что отец ее не любил и не занимался ее воспитанием. Он просто кормил ее, поил, одевал и обувал. Иногда покупал недорогие игрушки. Несмотря на то, что девочка росла без родителей, она была начитанная, образованная и очень воспитанная. Все свое образование она почерпывала из книг. Отец не противился ее читательским интересам и даже поставил в ее комнатке небольшую лампу, чтобы она могла читать по ночам. Катя приходила из школы, обедала, гуляла во дворе в обществе Дуболомова, затем возвращалась домой, брала в руки очередную книгу и до ночи ее читала. Она читала все подряд, от низкосортных, но захватывающих боевиков до Пушкина, Лермонтова и Достоевского. Она даже прочитала математический справочник, медицинскую и техническую энциклопедии, хотя ничего в них не поняла.

Альфред был рад, когда дочь запиралась в своей маленькой комнатке и ему не мешала. Он не любил, когда его отвлекали от дел.

Репутатский был торговцем автомобилями иностранного производства и имел в Москве офис и несколько магазинов. Он разбогател именно на этом. Его тесть – Маринин отец, проживающий в Соединенных Штатах Америки, помог ему открыть эту фирму. Он эмигрировал туда после смерти своей жены, там женился на дальней родственнице автомобильного магната Эдди Крайслера и, использовав ее деньги, организовал свою фирму. Он был крайне заинтересован в российском рынке и взял в дело зятя – Альфреда Репутатского.

Да и фамилия Альфреда до женитьбы была не Репутатский, а Шнобелев. Кстати, он сменил и имя – раньше его звали Паша. Ему показалось не звучным это сочетание, и он стал представляться как Альфред Репутатский. Ну действительно, что это за имя и фамилия для начинающего бизнесмена – Паша Шнобелев. Альфред Репутатский звучало убедительнее, красивее и увесистее.

Итак, новоиспеченный Альфред открыл свой первый магазинчик в Москве на заре дикого капитализма – в 1991 году. С тех пор тесть регулярно поставлял в страну автомобили различных марок, а Альфред их продавал. Так он сколотил себе состояние, стал долларовым миллионером, и его совместное российско-американское предприятие «Руль и колесо» процветало. В его обязанности входило считать вырученные деньги, отправлять их в США, оставляя себе двадцать процентов прибыли. Он даже налоги не платил, так как все операции происходили за наличный расчет, а финансовые документы были липовые. Он только ежемесячно платил бандитам Тычи тридцать процентов от своей доли, а те обеспечивали его безопасность и охраняли его автомагазины. Бизнес процветал, но у Альфреда была одна тайна. Он не сообщал тестю о том, что его дочь Марина Репутатская уже девять лет находится в психбольнице. Если бы тот узнал, то, наверное, сразу прекратил бы поставки машин и закрыл фирму. Ведь он старался помочь в первую очередь дочери и внучке.

Именно поэтому Альфред кормил, поил и одевал Катю, любимую внучку тестя, и постоянно слал в Америку видеокассеты. Они показывали, как ей прекрасно живется, но на самом деле Катя жила не так уж и хорошо, без родительского тепла и любви.

Альфред давно бы спровадил и Катю в сиротский приют, если бы не бизнес и миллионные доходы. Тесть приглашал Марину с Катей и Альфредом погостить в США, но зять отказывался, ссылаясь на свою загруженность работой.

Но была у Альфреда Репутатского еще одна страшная тайна. О ней не знал никто, кроме него и его жены Марины. Именно из-за этой тайны он и упрятал ее в психбольницу.

Да, семейные дела Альфреда накрепко переплелись с его бизнесом и большими деньгами, и он никак не мог разрубить этот узел. Он любил жить роскошно и вольготно, сорить деньгами, и это мешало ему раз и навсегда порвать отношения с нелюбимой женой и ребенком.

Но основное время Альфред проводил не на работе, а в ресторанах и с девочками, так как любил женщин и секс больше всего на свете, порой даже больше денег.

Хотя Альфред был некрасивым, внешне противным человеком, вызывающим у окружающих омерзение, он почему-то нравился женщинам. Прежде всего дамам легкого поведения. У него был веселый нрав, и когда он был пьян, а выпивши он был всегда, то сорил деньгами. Не проходило и дня, чтобы он не напился до чертиков в дорогом кабаке и не привел домой проститутку или просто разгульную девицу. Он прожигал жизнь, ту единственную жизнь, которую можно употребить для большого, нужного людям дела. Но на людей ему было наплевать, и он шиковал в свое удовольствие, каждую ночь совершая головокружительные турне по ночным заведениям столицы.

Каждый новый день он выезжал в «свет» на очередной иномарке и бахвалился перед товарищами, что купил еще одну. На самом деле он только обкатывал, как он выражался, новую, продаваемую им машину.

И сегодня, в день захвата дочери, он развлекался с двумя девицами. Он лежал на широченной кровати, в самой большой комнате своей квартиры, а две красивые, стройные стриптизерши из казино «Подкова» ублажали его похотливый взор развратными танцами.

Он познакомился с ними прошлой ночью, во время посещения игорного заведения, где он считался завсегдатаем. Там он просадил в рулетку сорок тысяч долларов, а потом «с горя» напился и стал засовывать в трусики каждой танцовщице по стодолларовой купюре.

Репе очень понравилась грудастая, с мясистым задом стриптизерша по имени Вера. Она охотно подошла к его столику, повиляла бедрами, потрясла грудями, несколько раз подмигнула Альфреду, дотронулась пальчиком до его носа и получила сто долларов. Репа был наповал сражен ее красотой и после окончания танца поплелся к ней в гримерную, прихватив с собой бутылку французского шампанского.

В тесной гримерной красотка находилась не одна, а с подругой Ларисой. Они обе были белокурыми, грудастыми и похотливыми, как две голодные весенние сиамские кошки. После нескольких глотков шипучего напитка из звенящих хрустальных бокалов красотки согласились посетить его квартиру и устроить там стриптиз-шоу. Репа пообещал им за это хорошие деньги.

Так как девушки работали в казино до утра, то они договорились встретиться с Альфредом в семнадцать ноль-ноль следующего дня.

Репа поехал домой спать, а красотки успели договориться о рандеву еще с двумя клиентами. Девушки подрабатывали, выезжая к богатым клиентам на дом.

Они отправились по домам, приняли душ, выспались, навели боевой макияж и в назначенное время вдвоем ждали «машиниста» – так они окрестили Репутатского – у входа на станцию метро «Сухаревская».

Репа приехал на свидание в роскошном «Бентли» иссиня-черного цвета. Лихо затормозил, открыл длинную и широкую дверцу, чем вызвал бурю восторга у веселых девиц. Они сели в кабину, и «дворец на колесах» мигом домчал их до квартиры Альфреда.

Катенька играла во дворе с радиоуправляемым танком и не обратила внимания на приезд папаши, хотя Дуболомов его заметил. Он отвел взгляд, чтобы не смотреть хозяину в глаза, и

уставился на игрушку и свою клиентку. В этот самый миг на ветку, расположенную над его головой, и села та злополучная ворона.

Альфред и девицы выпили шампанского, потанцевали и решили приступить к стриптизу. Репа с бокалом в руке завалился на широченную кровать, а девушки включили музыку и занялись привычным для себя делом.

Они были похожи друг на друга как сестры. И Лариса, и Вера были одного роста, одного веса и примерно одной комплекции. У обеих были длинные, стройные, спортивные ноги, красивой формы груди, хотя и силиконовые.

У худых, изможденных непрекращающейся диетой танцовщиц не бывает пышных бюстов, и за это их называют «плоскодонками». Некоторые вживляют в грудь силикон, и от этого они становятся на вид мясистыми, упругими, стоячими. Стриптизерки сразу начинают выше котироваться у импресарио, получают выгодные контракты, и клиенты дают им хорошие чаевые. Приятно посмотреть на женщину с узкой талией, длинными ногами и большой, вздрагивающей при ходьбе грудью.

Именно такие красавицы посетили дом Репутатского. Надо сказать, что такое случалось нечасто. В основном здесь бывали тусклые, порой невзрачные личности, но хорошо сосущие и дающие сколько угодно, в любые места и по первому требованию, разумеется, за деньги.

Репа захмелел, но продолжал потягивать шампанское, тихо рыгая после каждого глотка. Он ловил кайф от музыки, танца и от девушек. Стриптиз начался.

Лариса вышла вперед, махнула полой своего длинного белого платья, и оно расправилось в воздухе, образовав веер. Под заунывное, протяжное пение модной канадской певицы Селин Дион Лариса начала вилять бедрами, наклоняться и изгибаться. Она пока была одета, но все ее движения указывали на то, что одежда ей мешает и она ее скоро с себя сорвет.

Стриптизерша нежно поглаживала себя по интимным местам и при каждом касании вздыхала, вздрагивала в такт музыке, стонала и охала. Она распаляла клиента, заставляя его поверить в свои сексуальные томления и предчувствие наступающего оргазма.

Видя это, Репа аж губу прикусил. Шансонетка была профессионалкой высокого класса, у нее за спиной было балетное училище, и она умела движениями выражать свой душевный настрой. Наконец Лариса завела руки назад, расстегнула платье у себя за спиной, взяла его за кончик, махнула им, как флагом, и резко отбросила в сторону. Оно, белое и тонкое, упало прямо на голову Репы и напрочь заслонило ему видимость. Дрожащими руками он сдернул его и положил рядом.

Лариса осталась в белоснежных, ажурных трусиках и в белой, развевающейся при каждом взмахе руки рубахе. Она несколько раз быстро прошла перед Альфредом, окутав его шлейфом дорогих французских духов. Вдохнув это очаровательное, пьянящее дуновение, Репутатский заерзал на своей кровати, засучил ногами, как кобель, и моментально возбудился. Ему захотелось поиметь Ларису, и от этого своего желания он не в силах был отказаться. Он лежал и ждал, когда та начнет оголяться. И дождался.

Лариса скинула белую рубаху и осталась в одних трусиках. Она сильно крутанулась, и ее пышные груди приподнялись. Девица махнула ногой, затем нагнулась и повернулась к Репе спиной, он увидел ее красивую задницу и болтающиеся груди в узкий просвет между ногами. Девица замерла в этой позе и начала плавно, в такт музыке стягивать с себя трусики. Она виляла бедрами и раскачивалась из стороны в сторону, а когда трусики оказались на уровне коленей, повернулась и встала к нему боком. Танцовщица быстро скинула с себя остатки одежды, встала на четвереньки и начала ползать перед Альфредом. Ее груди раскачивались при каждом шаге, попа ходила ходуном, а прогнутая поясница изгибалась, как у дикой пантеры. Наконец девица повернулась к Репутатскому задом, раздвинула ноги и так прогнулась в

пояснице, что тот, оценив эту позу, с шумом втянул ноздрями воздух, затаил дыхание и больше не дышал.

– Поза кошки, – прошептал он.

Лариса выставила напоказ свою обнаженную промежность, и Альфред созерцал в метре от себя ее набухшие, розовые половые губы, ее выпирающий лобок и темный зев анального отверстия. Волос на лобке не было, он был тщательно выбрит. Девица в очередной раз вильнула бедрами, ее большие половые губы раскрылись, послав Репутатскому воздушный поцелуй.

Альфред хотел вскочить со своего ложа, подбежать к красавице, обхватить руками ее попу, прильнуть губами к ее промежности и алчно лизать вожделенную вагину. Он встрепенулся, опустил ногу с кровати и хотел встать, но Лариса закончила танец, грациозно повернулась и вышла в другую комнату. Музыка стихла, и Репа замер в ожидании следующего номера.

Вера для своего выступления выбрала музыку группы «Металлика». Ее танец был быстрым, забойным и азартным. Она выскочила из соседней комнаты, как неоседланная кобылка, и начала резво двигаться по свободному пространству перед кроватью Репы.

Облачена она была в ковбойскую амуницию: кожаные ремни, на поясе кобура с игрушечным пластмассовым «кольтом» и ковбойская широкополая шляпа на голове. Высокие кожаные сапоги позвякивали шпорами, и их колесики царапали дорогой, недавно уложенный дубовый паркет с электрическим подогревом. Но порчи имущества Репа не заметил. Его взгляд был прикован к пышногрудой, белокурой бестии, скачущей перед его носом.

Вера размахивала руками и ногами, выполняя замысловатые па, изгибалась и прогибалась, поворачиваясь к хозяину то лицом, то боком, то задом. Хлопчатобумажная, в красную клетку, рубаха была завязана узлом на поясе, оставив голым живот. Вера лихо виляла бедрами, но пока не обнажалась. Наконец этот прекрасный миг настал, и она начала снимать портупею. Репутатский снова затаил дыхание. Девица расстегнула «молнию» на протертых до дыр, обрезанных по колено джинсах и быстро, в такт музыке их спустила. Через некоторое время и клетчатая рубаха слетела с нее как листва с осеннего дерева. Стриптизерша осталась в одних красных трусиках, высоких, по колено, сапогах и широком кожаном поясе, с пристегнутой сбоку кобурой. Альфред смотрел на ее грудь великолепной формы, не зная, что она силиконовая, ласкал взглядом ее плотную, мясистую, с ямочками по бокам попу и выпирающий под тоненькими трусиками лобок. Он представлял Веру в своих крепких объятиях, представлял, как он возьмется рукой за ее восхитительную грудь, будет гладить ее, и от этих прикосновений девица будет млеть и стонать.

Тем временем Вера сбросила трусики и осталась только в поясе, сапогах и широкополой шляпе. Она прогибалась, размахивала ногами, виляла бедрами, имитируя езду на несущемся галопом скакуне. Эти волнообразные движения, напоминающие половой акт, больше всего понравились Репутатскому, и он даже представил себя лежащим на кровати, а девицу сидящей на нем и бешено насаживающейся на его длинный и толстый половой член. На самом деле половой орган Альфреда оставлял желать лучшего. (В этом случае Репа был сильно обижен матушкой-природой.)

Вера легла спиной на пол и начала многократно и быстро вставать на гимнастический полумостик и ложиться обратно. Она имитировала проходящий в бешеном темпе половой акт, а Репутатскому почудилось, что это совокупление с конем.

Затем она повернулась задом к мужчине, широко раздвинула ноги и прикрыла обнаженную промежность шляпой. Она лежала на спине, с поднятыми прямыми ногами и медленно, медленно сдвигала шляпу себе на живот. Вот край шляпы обнажил анальное отверстие, затем большие половые губы и, наконец, лобок и живот. Шансонетка размахнулась, метнула шляпу, как ковбои бросают лассо, и попала прямо на то место, где у Репутатского в штанах находился взбухший половой член. Шляпа накрыла его целиком и краем полы коснулась головки красавца.

«Это намек», – подумал пьяненький Репа и уже начал вставать с кровати. Он решил прыгнуть на свою ковбойшу, воткнуть в ее восхитительное влагалище свой неуемный, безудержный, огромный половой член, но девица сдвинула ноги, встала и вышла из спальни. Недовольный Альфред так и остался лежать на кровати без движений.

Девушки оделись в свою повседневную одежду и пришли в комнату за костюмами. Они быстро собрали шмотки, рассовали их по небольшим рюкзачкам и приготовились к получению гонорара.

Альфред обещал им по двести долларов, но заплатил по триста, так как ему очень понравилось их выступление. Но он рассчитывал на большее, поэтому приблизился к ним, обнял за талии и нежно поцеловал в щечку сначала Веру, а потом Ларису.

– Я вам обещаю вдвое больше, если вы останетесь у меня для самого главного…

Стриптизерши смекнули: он обещает им по четыреста долларов за совокупление. Но это не входило в их планы, так как дома их ждали безработные мужья, сопливые дети, готовка пищи, стирка, утюжка, и они вежливо отказались, сославшись на дела.

– Ну пожалуйста, – взмолился Альфред, – вы такие красивые, сжальтесь над бедным дядькой. – Уговоры не подействовали, и он удвоил сумму. Но танцовщицы были лишь танцовщицами, а не проститутками, и собрались уходить. Хотя очень хотелось заработать: деньги ведь на дороге не валяются…

Немного расстроенный Репутатский проводил их до двери, поцеловал на прощание в щечки и пошел звонить своей старой подруге, чтобы она срочно приехала и удовлетворила его сполна. Заказывать проституток ему сегодня не хотелось, так как он поистратился на танцовщиц. Людмиле, естественно, он денег не обещал, а только договорился оплатить такси.

Ждать ему пришлось недолго, и через десять минут Людмила ворвалась в его хоромы. Не разуваясь, с порога она набросилась на него, распахнула халат и начала азартно манипулировать ртом с его маленьким и жалким половым отростком. Не прекращая занятия, они переместились в спальню и устроились на кровати, на том самом месте, откуда он наблюдал стриптиз.

Его подруга была полноватой дамой изрядного возраста. Ей было, как она говорила, за тридцать, но сколько на самом деле, не знал даже Альфред. Ему самому было сорок, ну а Людмиле, наверное, и того больше. По крайней мере она так выглядела.

Она моментально, без музыки, танцев, без всякой там эстетики и эротики, обнажилась догола и осталась в одних белых трусиках.

Репа лежал на кровати, вспоминал недавнее представление обворожительных стриптизерш, а Людмила работала ртом и помогала себе обеими руками. Альфреду нравилось, как она делает минет. Он закрыл глаза и представил себе, как шансонетка Лариса ласкает языком его упругого красавца, целует его яички, доставляя необычайное удовольствие. Он представил, как ее рот заполняет его величественный, неимоверной величины меч любви, и она, задыхаясь, кричит:

– Любимый, вынь его скорей, он такой огромный!

– Любимый, вынь его скорее из трусов, а то он еще мягкий, выскользнул из рук и туда завалился, – услышал Репутатский сквозь свои сладкие фантазии противный голос подруги. Он помог ей отыскать в трусах предмет ее ласк, и та продолжила свой труд.

Наконец, после тридцати минут самоотверженной Людмилиной работы он напрягся и стал размером с мизинец рослого мужика.

Люда, пользуясь случаем и не дожидаясь, пока он через минуту опадет, что происходило каждый раз, взобралась на Альфреда и насадилась на его миниатюрный, трепетный росток.

Что тут началось! Подруга визжала, пищала, кричала, охала, ахала и стонала, с каждым разом все сильнее подпрыгивая на Альфредовом пенисе. Ей казалось, что он протыкает ее насквозь.

Альфред же лежал с отрешенным видом и представлял себе Веру, беснующуюся на его «биг бене». Он представлял ее плотные бедра, восхитительные округлые сиськи, узкую талию и прекрасное одухотворенное лицо. Но как только он открыл глаза, его взору предстали груди, повисшие, как уши спаниеля, покрытый жировыми складками живот, толстые, необъятных размеров бедра и морщинистое, искаженное сладострастной миной лицо.

Его чуть не вырвало, когда он попытался сравнить двух женщин: танцовщицу Веру и свою подругу Людмилу.

«Трахает же их кто-то», – вспоминая стриптизерш, думал Репутатский, и настроение его сразу испортилось. Он никогда в жизни не имел красивых и одновременно порядочных женщин. А есть ли такие? Ему попадались красивые проститутки, но Альфред в этот день был у них двенадцатый или тридцать восьмой.

Сотрясая жировые отложения на своем пожившем теле, Людмила трахала Репу до тех пор, пока он не кончил. Случилось это через две минуты после начала полового акта.

– Ты был сегодня великолепен, дорогой, – прошептала женщина, – так долго давно не было, и стоял вовсю. Я успела кончить пять раз.

– Да, я сегодня в форме, – выдохнул Альфред и расслабился.

– Сделать тебе массаж? – ласково спросила Люда и поцеловала его в губы.

– Буду тебе очень благодарен.

– Нет, это я тебе благодарна, – встрепенулась женщина, – ты такой сексуальный.

Глава 3

Алексей разрешил Демину порулить до первого пыльного светофора, а потом сам сел за руль. Они благополучно добрались до места и остановили украденный джип «Навигатор» на соседней улице.

– Для конспирации, – сказал Леха и обернулся к Кате. – Ты почему от нас не сбежала, когда телохранитель тебя повел к машине?

– По кочану, – съязвила та.

– Мы страшные террористы-вымогатели и будем требовать выкуп с твоего папаши-богатея. Если он нам не даст сорок тысяч долларов, мы тебя убьем, – серьезно произнес Демин.

– Ха, ха, ха, – засмеялась Катя, – никакие вы не вымогатели, у вас даже пистолета нет. А что касается денег, то их вам не видать. Он меня не любит, и поэтому вы с него ничего не получите.

Это заявление произвело впечатление на захватчиков. Они призадумались.

Ни Алексей, ни Витек убивать никого не собирались, но им позарез нужны были деньги. Они надеялись, что единственная дочь миллионера Репутатского стоит сорок тысяч долларов.

– А если вы с него их будете требовать, то он на вас мафиозей натравит, и тогда вам крышка – вас точно убьют, – подпустила страху Катя.

– Не убили же нас твои мафиози, – вмешался Алексей, – они на асфальте остались лежать, избитые и униженные.

– Их мало было, а если они все на «митинг» соберутся, то вам хана – замочат. – Катя выражалась, как заправский рэкетир. Она начиталась современных супербоевиков, где на каждой странице льется кровь, свистят кулаки и пули, и матерятся в равной степени как плохие, так и хорошие дяди. Вот она и решила показать себя образованной, «с понятием» девочкой. Не надо детям читать всякую чушь.

– Посмотрим, кто кого? – храбро произнес Демин и робко взглянул на Коновалова. Если бывалый Леха был спокоен, как медведь в зимней берлоге, то у Витька от страха поджилки затряслись. Он был обычным мужчиной и отнюдь не суперменом.

Виктору Демину деньги были нужны на операцию для его единственной, больной дочери Светланы. Она лежала в госпитале имени Бурденко, в онкологическом отделении в палате для неизлечимых больных с диагнозом – рак крови. Ей была необходима срочная операция по пересадке костного мозга, но в России таких еще делать не научились. Главный врач госпиталя договорился с американскими коллегами о проведении такой операции в США, в клинике имени Джорджа Вашингтона в Вашингтоне, но за нее надо было заплатить шестьдесят пять тысяч долларов. Дорог был не только каждый час, но и каждая минута, так как Света тихо умирала. Лечащий врач Светланы профессор Штендельбаум сказал отцу:

– Как только необходимая сумма будет собрана, вашу дочь перевезут в США и прооперируют.

Витек, не задумываясь, продал свою небольшую, плохонькую двухкомнатную квартиру и получил за нее двадцать пять тысяч. Он мог бы запросить на пять тысяч больше, но тогда пришлось бы ждать, может, месяц, а может, и год, а так как дорога была каждая минута, он за несколько дней оформил сделку в агентстве недвижимости «Улей» и получил деньги. Он попросился на проживание к своему другу Алексею Коновалову, и тот с радостью его принял.

Не хватало сорока тысяч, и Алексей предложил продать и свою однокомнатную квартиру, но она была в старом доме, в недорогом районе, и за нее никто много не дал бы.

– От силы двадцать тысяч, если продавать срочно, – с кислой миной сообщил риэлтор фирмы.

Денег все равно не хватало, и к тому же после операции Алексею, Виктору и Светлане надо где-то жить. Не на вокзале же ночевать. Вот друзья и решили получить деньги другим способом – взять в заложницы дочь миллионера Репутатского и потребовать за нее выкуп.

Витек до увольнения работал жестянщиком в автосервисе, и к ним часто приезжал Репутатский чинить разбитую им очередную дорогую иномарку. Он их спьяну бил, а Витек крылья выправлял. Репа щедро платил, но болтал лишнего, и по автосервису и даже в соседних домах ходили слухи о его несметных богатствах. Говаривали, что он за ночь проигрывал в казино по сто тысяч долларов.

Витек рассказал Лехе о разгульном богаче, о своем плане захвата его дочери, попросил помощи, и Коновалов, не долго думая, согласился. Раскрутить на сорок тысяч долларов зажравшегося, погрязшего в роскоши и разврате отпетого мошенника было для бывшего спецназовца делом чести.

Они договорились взять в заложницы десятилетнюю Катю Репутатскую, но, естественно, обходиться с ней деликатно и ни в коем случае не обижать. О том, чтобы ее убить, если Репа не выплатит деньги, даже разговора не было. Друзья отпустили бы девочку с миром в любом случае, так как они были честными, законопослушными гражданами, но перипетии судьбы и безжалостная безысходность загнали их в угол. Ради денег или сытой, спокойной жизни они ни за что не решились бы взять в заложники человека. Но обстоятельства, как известно, сильнее нас, и они не оставили им другого выхода. Иначе Светлана бы умерла.

– А вы и по двору в масках пойдете? – ехидно спросила Катя. Она не боялась террористов, несмотря на их грозный вид. Она чувствовала, что в душе они добрые, мирные люди.

– Мы сейчас маски снимем, а то я уже запарился, – произнес Коновалов и начал стягивать чулок.

– Да, очень в ней жарко, – вторил ему Демин. Он снял маску, взял ее обеими руками, скрутил в жгут и выжал воду, как из полотенца после стирки.

– Ой! Какой вы лысый, – удивилась Катя, – вы что, голову бритвой бреете? – Виктор застеснялся, а Леха добавил:

– У него с детства волос нет.

Все трое вылезли из внедорожника и поплелись на квартиру Алексея. Катя с интересом разглядывала мужчин, ведь она их видела без масок впервые.

Как Лехе, так и Витьку было под сорок лет, но выглядели они моложаво. Если Коновалов был накачанный, тренированный и походил скорее на треугольник на ножках, то Демин был обычным парнем, как все. Он выделялся из толпы лишь своей лоснящейся, загорелой безволосой головой. Если у Коновалова лицо было мужественное, волевое, он был молчалив, сдержан и часто казался угрюмым, то Витек был веселым, озорным и беззаботным. Впрочем, все это у него сильно пошло на убыль с тех пор, как девять лет назад он похоронил жену. Она умерла от рака крови. Операции по пересадке костного мозга в то время не делали даже в США.

Теперь эта страшная болезнь передалась – может быть, с генами – его десятилетней дочери. К счастью, у нее был шанс на спасение, но из-за нехватки денег он казался эфемерным.

Горе-террористы оставили машину на улице и даже не включили сигнализацию. Когда пришли в квартиру, то первым делом сели обедать. От нервного стресса они сильно проголодались. К тому же надо было покормить и заложницу.

– Иди помой руки, – сказал Алексей и показал Кате, где находится совмещенная с туалетом ванная комната. Девочка с улыбкой посмотрела на Коновалова и подчинилась. Если бы ее отец сказал ей такое, то она бы фыркнула и сделала все наоборот. К здоровенному, серьезному дяде-вымогателю она относилась с уважением.

Катя зашла в санузел, и ее сразу до глубины души поразила убогость его убранства. Небольшая, в четыре квадратных метра, ванная комната, наверное, уже тридцать лет скучала без ремонта. Пожелтевший кафель в некоторых местах отслаивался от стен, и если громко чихнуть, то он, наверное, осыпался бы.

Унитаз был похож на ржавую потрескавшуюся археологическую находку, сумевшую дотянуть до наших дней аж с каменного века. Ванна выглядела еще хуже. В ней, наверное, никогда не купались, а только замачивали грязное белье. Вечно капающий кран жалобно свистел.

Как только Катя включила в ванной свет, то моментально в многочисленные щели со всех сторон ринулись здоровенные рыжие тараканы. Девочка подумала, что в доме огромного Коновалова и тараканы огромные.

Катя привыкла восседать на белоснежном, обложенном мягкими ковриками импортном унитазе, в большом, десять метров площадью, туалете, с кондиционером, освежителем воздуха и подогревом кафельного пола. Купалась же она не в ванне, это сооружение ванной нельзя было назвать, а в мини-бассейне джакузи, со стереосистемой, телевизором и другими модными прибамбасами. Позолоченные краны отражали прелестное личико Кати, и в чистой, пропущенной через фильтры воде ей было тепло и спокойно. Катя вспомнила евростиль своего туалета, и ей стало обидно, что она примостилась на краю грязного, дурно пахнущего, громко урчащего чудовища. Унитаз был коричневого цвета то ли от ржавчины, то ли еще от чего.

Через некоторое время девочка покинула санузел и с облегчением вздохнула.

– А у вас туалетной бумаги и в помине нет? – с издевкой спросила она, когда вошла в комнату.

Действительно, у Коновалова в туалетной комнате много чего не было. Им даже на еду не хватало, и они на всем экономили.

Все вырученные от продажи квартиры деньги Витя перевел на счет американского госпиталя, а чтобы прокормиться, они с Алексеем потихоньку продали мебель, посуду, книги, телевизор. Остались только носильные вещи, и только те, что никто задарма не взял бы. Алексей и Виктор уже полгода нигде не работали и только бегали по инстанциям за получением всяких бюрократических справок о том, что отцу девочки можно будет выехать в США, чтобы за ней ухаживать. Естественно, приходилось давать взятки. К тому же они покупали для Светланы питательные, вкусные продукты, например красную икру, чтобы повысить сопротивляемость ее организма. В госпитале кормили из рук вон плохо, и дополнительная еда была ей жизненно необходима.

Когда Катя вошла в гостиную, то ахнула. Комната была абсолютно пустая, без мебели и ковров. Посередине комнаты стоял небольшой допотопный столик, а возле него три подлатанных стула. В углу расположился широкий, старый раскладной диван-кровать, и больше в комнате не было ничего. На окнах даже занавесок не было.

Катя окинула гостиную скептическим взглядом и свистнула:

– Вы что, не могли получше квартиру снять, чем у бомжа?

– Это моя квартира, – обиженно произнес Коновалов и отвернулся. Катя сочувственно взглянула на него и замолчала.

– Чем тебе наша хата не нравится? – завелся Витек, – нормальная комната, нормальная уборная и кухня – жить можно.

– Я на кухне еще не была, но догадываюсь, что она не лучше уборной, – парировала Катя и встала к голой, обшарпанной стене. – У меня дома в комнате такого размера собачка живет, и то жалуется, что места мало.

Алексей после этих слов обиделся окончательно, а Демин решил проучить заносчивую девчонку и пошел в атаку.

– Мы деньги не воруем, как твой папаша, а зарабатываем честным трудом. А честным людям много не платят, так как страна у нас бедная, можно сказать, нищая страна, и все разговоры про ее богатства – чушь. Нету тут никаких богатств, а те, что были, коммуняки в семнадцатом году за кордон вывезли. – Витек замолк и сел за стол кушать.

– Ты тоже садись, – произнес Коновалов и указал девочке на стул.

Кате, как гостье, дали самый лучший стул. Она села на него и взглянула на угощение. На старом столе лежала протертая в нескольких местах скатерть, а на ней были разложены вкусности. В некогда разбитой, но склеенной эпоксидной смолой тарелке лежали фрукты: яблоки, апельсины, мандарины и груши. Они были свежие, только с рынка. Катя даже не поверила, что они настоящие. Во втором, большом, не менее старом блюде находились пирожные и абрикотиновый торт. Именно этот торт был самым любимым Катиным лакомством. Она его просто обожала, но вида не подала и продолжила разговор в капризном тоне.

– Что это у вас? Я такое не ем.

– Как не ешь, – встрепенулся Витек, – это фрукты с рынка, мы их у черных втридорога купили, и только для тебя. Я даже для своей дочки ни одного персика не взял. – Он с досадой махнул рукой и обиделся.

– Ты их можешь не есть, – спокойно произнес Коновалов, но тогда останешься голодной, так как ничего больше нет.

– А вы что будете есть? – спросила Катя.

– Хлеб и чай с сахаром, – Алексей отломил половину от свежей белой буханки и откусил от нее кусок.

– Если не будешь, то я их Светлане отнесу, она съест с огромным удовольствием да еще спасибо скажет.

Катя подумала немного и взяла кусочек торта.

– Вот и славно, кушай, – кивнул Леха и улыбнулся.

– А чем вы меня завтра будете кормить? – спросила Репутатская, – тоже фруктами? Я привыкла есть икру черную и красную, осетрину горячего и холодного копчения, семгу, мясо крабов и креветок, балык, сырокопченую колбасу, суджук, бастурму, ветчину, телячью вырезку, куриные грудки, грибы, клубнику и землянику со сливками. – Катя выдумывала: отец кормил ее исключительно кашами, курятиной, спагетти, картофелем и супами, а о деликатесах и речи не было. Он их сам ел.

– А запивать это все французским шампанским не любишь? – с ехидной миной добавил Коновалов. – И при этом курить дорогие сигары. – При перечислении всех этих вкусностей Леха вспомнил, что когда-то все это едал и он. Он служил в разведке, и на тренировочных сборах их кормили именно так.

– Нет, ничего этого завтра не будет, так как тебя здесь не будет. Во всяком случае, мы так планируем, – прожевав, ответил Витек. – Мы сегодня получим выкуп и отправим тебя домой к папе.

– А если он вам денег не даст? Может, их у него просто нет, – ухмыльнулась Катя.

– Как нет? Он миллионер, он в казино по сто тысяч проигрывает, а на свою родную дочь у него сорока тысяч не найдется? – Витек занервничал.

– Он мне не родной отец, потому что он меня не любит, и я на него не похожа, – Катя обиженно надула губки.

– Ты еще маленькая, а когда вырастешь, то станешь похожа или на него, или на маму, – предположил Витя.

– Или на саму себя, – добавил Алексей.

– На папу я не буду похожа, это точно, а маму я давно не видела и поэтому не помню, как она выглядит.

– А где ж она? – хором спросили друзья.

– Она в психиатрической больнице, ее туда папа отправил, так как она сумасшедшая. Но это он так говорит, а я думаю, что он ее тоже не любит и поэтому запрятал в дом дураков. А я-то знаю, что она нормальная. К папе много тетек ходит, и одна из них, та, что бывает чаще всех, мне по секрету сказала, что у папы есть какая-то страшная тайна и связана она с его миллионами, с моей мамой и со мной.

– А она откуда про тайну знает? – удивился Витек.

– Отец спьяну болтнул лишнего, а Люда услышала и передала мне.

– Чего это она тебе передала? – допытывался Витек.

– Людмила хорошая, но несчастная, она папу любит, а он ее нет. Он, кроме себя и денег, никого не любит. Люда хочет, чтобы отец ее взял в жены, а он не берет, вот она и страдает, ко мне льнет, думает, что я каким-то образом смогу на отца повлиять. Но я не могу, так как он меня тоже не любит, я тоже несчастная. У меня мама есть, но он ее тоже не любит, – Катя глубоко, горестно вздохнула и откусила от торта еще кусочек.

– Нам позарез нужно получить деньги с твоего отца, – Витек протер свою лысую голову платком. – Позарез и сегодня.

– Ишь чего захотели, – усмехнулась Катя. – Если бы вы были настоящие бандиты, то он, может быть, вам деньги и отстегнул, а вы горе-террористы, у вас даже пистолетов нет, а про автоматы, рации и иномарки я и не говорю.

– Да она нас в грош не ставит, – обратился к Коновалову раздосадованный Витек. – Я вот сейчас отрежу тебе ухо и пошлю его твоему папаше в конверте, вот тогда посмотрим, пришлет он деньги или нет.

Демин был добрым парнем, и не смог бы обидеть не только девочку, но и собаку или кошку, но для того, чтобы Катя относилась к нему серьезно, как к захватчику, он вынул из-под стола большой мясницкий нож.

– Вот отрежу ухо…

Катя весело рассмеялась.

Витек посмотрел на Коновалова и жалобно произнес:

– Ну что с ней делать?

Леха проглотил последний кусочек, запил его сладким чаем и вытер рот салфеткой. Хлеб был вкусный и чай тоже, но дело в том, что друзья из-за острой нехватки денег ели только его и по нескольку раз в день. Булка и чай Коновалову в рот не лезли, он на них смотреть не мог, так ему осточертела эта постная пища. По ночам ему снились поджаренные на углях толстые бараньи ножки, кровяные бифштексы из вырезки и цыплята-гриль в чесночном соусе. Ну и, конечно, шашлык, ароматный, пахнущий дымом и жареным луком. Но когда он просыпался, то находил на столе буханку опостылевшего, набившего оскомину хлеба, стакан чая и сахар.

– Так почему же ты не веришь, что он тебе ухо отрежет? – серьезно спросил он у Кати.

– Я по глазам вижу, что вы добрые люди, а не злые. Я чувствую это.

Обезоруженные друзья переглянулись, а Катя продолжила:

– Недавно мой папа пришел домой сильно пьяный, вынул из сейфа пистолет, вставил дуло мне в рот и говорит: «Вот сейчас нажму на спусковой крючок, и твои мозги по стенке размажутся». Потом он нажал на курок, раздался щелчок, но патронов в стволе не было, и он это знал. Я испугалась, а он захохотал как ненормальный, вынул пистолет из моего рта и, шатаясь, пошел в другую комнату. Я всю ночь плакала, а утром он не зашел и даже прощения не попросил. После этого случая я поняла, что он меня не любит, а раз он меня не любит, значит, он не мой отец. Отцы должны любить своих детей, а не поступать с ними так, – голос у Кати дрогнул, на глаза навернулись слезы, она встала и отошла к окну.

– Катенька, ты прости меня за мою выходку, я больше никогда не буду тебя пугать, – Демин отложил нож, подошел к девочке и ласково погладил по голове. – Пойми, мне очень-

очень нужны деньги. У меня вот такая же, как ты, десятилетняя дочка, и я ее очень-очень люблю. Но она смертельно больна, и у нее, кроме меня и Алексея, никого больше нет, и только мы можем ей помочь. Ее могут вернуть к жизни, сделав операцию, но она стоит много денег. Нам не хватает на нее тех самых сорока тысяч долларов, – Витек замолк и виновато посмотрел на Катю.

Катенька обернулась, посмотрела на Виктора и от удивления открыла рот.

– Я думала, вы хотите себе мебель купить, машину или еще что-нибудь…

– Какую мебель, мы всю мебель только что продали и квартиру продали, чтобы недостающие деньги собрать. Всего надо шестьдесят пять тысяч, а у нас есть только двадцать пять.

– Я рада вам помочь, но я вам сказала правду – мой отец меня не любит и денег, наверное, не даст.

– Но можно попробовать, – вмешался Алексей, – можно позвонить ему и попросить деньги.

– Если просто так просить, то он точно не даст. Ему надо пригрозить, – бойко сказала Катя.

– Чем пригрозить?

– Как чем, моей смертью.

Они сели за стол и начали совещание.

Глава 4

Репутатский отдыхал после сексуальных игрищ, лежа на своей кровати, а обнаженная Людмила выплясывала перед ним замысловатые па. Танцевать она совсем не умела, но, чтобы ублажить любимого мужчину, старалась как могла. Она не знала, что часом ранее две великолепные стриптизерши-профессионалки ублажали взор ее любимого. Теперь Альфред сравнивал их танцы и незаметно посмеивался над своей подругой.

Репутатский вспоминал грациозные, прекрасные движения шансонеток, красоту их форм, великолепные костюмы и музыку. Людмила же неумело имитировала Пугачеву, громко подпевала под ее фонограмму.

Вдруг в дверь позвонили. Людмила поспешила одеться, а Альфред повернул к себе монитор, стоявший на тумбочке возле кровати, и нажал на кнопку. Когда экран зажегся, он увидел суровые, искаженные дверным глазком лица бандитов. В дверь звонили «крутые кулаки». Впереди всех стоял их босс Герман Розовощеков по кличке Тыча.

Альфред вскочил с кровати, схватил красивый, в драконах, китайский шелковый халат и побежал в прихожую. На ходу он кое-как облачился и крикнул Людмиле:

– Быстрее одевайся, дура, и приготовь шампанское и кофе, «крыша» пожаловала!

Дело в том, что Репутатский каждый месяц платил Тыче по сто тысяч долларов – дань за безопасность. И вот – задержал выплату на один день, так как ночью напился в казино, днем спал, а потом встречался с танцовщицами и Людмилой. Вот он и забыл про уплату.

«Теперь предстоят разборки, – с ужасом думал он, – «поставят на измену», накинут пятьдесят тысяч долларов штрафа и потребуют выплату дани еще за месяц вперед. В общем, за несколько часов опоздания я влетел на двести пятьдесят кусков. А куда денешься, придется платить. Тыча опозданий не терпит».

Репутатский открыл толстенную бронированную дверь, и бандиты ввалились в квартиру.

…Как только Фома, Дуб, Газила и Клещ умчались с места драки на милицейском «Форде», они сразу направились к боссу. Оставив машину в квартале от дома, где тот проживал, они прошли пешком и, убедившись, что слежки нет, вошли в подъезд.

Фома долго звонил в дверь, но Тыча им не открывал. Они знали, что босс наблюдает за ними в монитор видеофона и не спешит впускать. Ведь они примчались без звонка, так как их мобильный телефон остался в «Навигаторе».

Наконец многочисленные замки один за другим щелкнули и металлическая дверь плавно отворилась. На пороге стоял личный телохранитель босса по кличке Шаман. Он был два метра ростом, амбалистого телосложения, с огромными ладонями, толстыми, сардельковидными пальцами и лицом, напоминающим ужасное лицо Франкенштейна. Он выглядел страшнее, чем Гриня Дуболомов. Шаманом его прозвали за то, что он нашептывал боссу на ухо всяческую информацию. Он из каждого пустяка делал строжайший секрет и возводил его в ранг чуть ли не государственной тайны. Когда-то он занимался волейболом, но потом бросил тренировки, потолстел, погрузнел, стал похож на двухстворчатый шкаф, но свой коронный нападающий удар теперь направлял сверху вниз, по головам провинившихся. Шамана боялись даже Дуб и Газила.

– Что без звонка? – спросил он первым делом.

– Случилось ЧП, – начал Фома, – нам можно войти?

– Прежде чем войти в дом, подумай, как из него выйти, – лукаво произнес охранник и отошел в сторону, освободив проход.

Братки знали, что Шаман мудрый и хитрый, и не зря его Герман выбрал в свои охранники. Он был ему предан как собака и готов был положить за хозяина голову.

– Что стряслось? – вновь спросил Шаман, когда дверь за бандитами захлопнулась.

– Двое террористов в масках захватили в заложницы дочку Репутатского, – тихо произнес Фома.

– Ну и дела, – покачал головой Шаман, – а ты куда смотрел? – Он перевел свой тяжелый взгляд на Гришу Дуболомова.

– Они напали внезапно, открыли огонь из автоматов с глушителями, а потом увезли Катьку. Я за ними гнался, но не догнал – они уехали на проржавевших «Жигулях».

– Тебя зачем к ней приставили? – начал заводиться Шаман, ты должен был ее…

– Ладно, хватит нравоучений, – вмешался Фома. – Ты бы видел, кто ее в заложницы захватил.

– Кто?

– Он шире тебя вдвое, а главное – тренированный профессионал. Он один, без оружия нас троих уделал, и я в него даже выстрелить не успел. Он действует хладнокровно, быстро и расчетливо.

– Я никогда не поверю, чтобы один человек мог завалить троих «крутых кулаков», – заартачился телохранитель.

– В следующий раз поедешь с нами и увидишь. Он тебя переломит на две части, как тростинку, – теперь начал заводиться Фома. Голова у него сильно болела от удара и в животе крутило. – Зови босса, я ему все расскажу.

– И что ты мне хочешь рассказать, – из соседней комнаты послышался недовольный голос Германа. – Что вас четверых отколбасил один супермен. – Он таился за дверью и подслушал их беседу. Босс вышел в прихожую и окинул злым взглядом своих бойцов.

– И это еще не все. Они нам накостыляли и смылись на нашем новом джипе «Навигатор».

– Как же вы допустили такое?

– Я уже сказал, – продолжил Фома, – один из них очень крутой профессионал – нам не чета.

– Надо было его пристрелить.

– Я даже прицелиться не успел – он меня вырубил.

– Ладно, джип найдем по пеленгу, а вот что с девчонкой делать? Вы уже сообщили Репе о захвате?

– Нет. Мы сначала к тебе – за советом.

– Это хорошо, что сначала ко мне. Он мне уже как три часа дань задолжал, так что будет повод к нему наведаться. Поехали.

Братки уселись в два «Мерседеса SL600» и помчались на Сретенку. По дороге Фома рассказал, как им пришлось вырубить двух гаишников, на что Герман только покачал головой:

– Надеюсь, вы их не замочили, а то уголовка начнет розыск, и придется опять вас от ментов отмазывать, а это большие деньги.

Тыча оставил Газилу, Дуба и Клеща в машине, а сам в сопровождении Шамана и Фомы поднялся в квартиру Репы.

Герман стоял перед Альфредом как матадор перед быком. Он, для того чтобы смягчить реакцию Репы на известие о захвате дочери, решил сначала начать разговор о долге.

– Ну что? – с порога начал Тыча, – я ждать не люблю, ты знаешь.

– Извини, деньги есть и сегодня я их тебе отдам. Я вчера задержался на работе, сильно устал и поэтому спал больше обычного, – начал оправдываться Репутатский. – Сейчас я возьму ключ от депозитной ячейки, мы поедем в банк, я отдам тебе деньги. Мне еще надо до завтра кое-что в Америку отправить, а то тесть новую партию джипов не пришлет. Я ему обещал

деньги за машины еще на прошлой неделе перевезти, но не получилось. Дашь мне несколько охранников, чтобы в аэропорт доставить? Ну в общем, как обычно.

– Вернешь долг, договор остается в силе, – Герман щелкнул пальцами, что означало – гони монету. – Охрану я тебе обеспечу. Как обычно.

– В течение часа деньги будут у тебя. – Альфред подошел к письменному столу, достал оттуда шкатулку и извлек из нее ключ от сейфа. Он вышел из гостиной, прошел в спальню, а оттуда в кладовую. Там он отодвинул шкафчик и с улыбкой взглянул на свой большой, бронированный сейф. В нем хранились ценные бумаги, деньги, пистолет, банковские пластиковые карточки и ключи от депозитных сейфов в банке.

Репутатский поднес ключ к замку и хотел его вставить в замочную скважину, но тот почему-то не входил. Репа внимательно осмотрел ключ с множеством бороздок по краям, а затем снова попробовал всунуть его в паз.

«Что за черт, опять, что ли, Катька перепутала ключ от входной двери с ключом от сейфа».

Катя однажды, впопыхах, перед уходом на прогулку их поменяла. Альфред целый час не мог оформить одну важную сделку, так как ключа от сейфа у него не было. Он ждал, пока она вернется, а потом сгоряча надавал ей оплеух и затрещин. Катя плакала, клялась, что это произошло случайно, но Альфред все равно ее наказал. Она обиделась на отца, долго с ним не разговаривала, и в душе у нее оборвалась какая-то нить. Теперь она точно знала, что его не любит.

Репа, помня ее оплошность, ключ от сейфа теперь прятал в шкатулку и запирал в стол. Но наутро он приехал из казино пьяный и, вывалив все содержимое карманов на стол, пошел спать. Похожие по форме, цвету и размеру ключи оказались рядом, и Катя, вполне возможно, их перепутала. Теперь очень важный, очень ценный для Репы ключ от невскрываемого сейфа болтался на шее его дочери.

«Второго ключа от сейфа у меня нет, так что придется ждать, когда она придет с гулянки, – с горечью подумал он. – Вернется, устрою ей крутую взбучку. Она у меня вообще на улицу ходить не будет. Будет дома сидеть и день и ночь», – так решил он.

Репутатский вошел в гостиную мрачнее тучи.

– Скоро поедем в банк за деньгами, – вяло пробубнил он и приготовился к самому худшему.

– Черт с ними, с деньгами, позже отдашь, – вдруг заявил Герман, – я хотел поговорить с тобой вот о чем, – он медленно пошел по комнате, а Репутатский замер в недоумении.

«Если Тыче не нужны деньги, то зачем он приехал?» – От этих мыслей Альфред испугался еще сильнее. Неизвестность – самая страшная вещь на свете.

– Сегодня днем двое террористов захватили твою дочь. Они напали на ее телохранителя Григория Дуболомова, и теперь он в больнице. – Герман сгустил краски для того, чтобы не уронить авторитет своего охранного агентства в глазах Репутатского. Не мог же он сказать, что один из захватчиков зверски отколошматил четверых его агентов и преспокойно уехал с клиенткой на их же автомашине.

У Альфреда челюсть отвисла.

– Что? – не поняв с первого раза, переспросил он.

– А то! – Розовощеков начал злиться. – Дочь твоя в заложницах, готовь выкуп, если хочешь увидеть ее живой и невредимой. Тебе еще не звонили, так скоро позвонят и объявят условия ее выдачи. А если ты заартачишься, то тебе пришлют ее в чемодане, по частям.

У Репутатского затряслась нижняя челюсть. Он испугался, но не за жизнь и здоровье его дочери Катеньки, а за единственный ключ от несгораемого, невскрываемого, бронированного сейфа.

Если он к завтрашнему утру не привезет два миллиона долларов в аэропорт Шереметьево и не передаст их специально прилетающему из США агенту тестя, то его бизнесу конец. Тесть прикроет фирму. Сейф он в такой короткий срок вскрыть не сможет, так как это последнее достижение германской науки и техники было просто невскрываемым. Он изготовлен из специального тугоплавкого металла с графитовым покрытием, который даже аргоновая и плазменная горелки не брали. Нужна была специальная лазерная горелка, создающая температуру в двадцать тысяч градусов, а найти ее в столь короткий срок невозможно. Роковой случай мог стать причиной банкротства Репутатского.

– Куда же вы смотрели? – вдруг вырвалось у Альфреда.

Герман удивленно вскинул брови, несколько раз моргнул и неожиданно для себя начал оправдываться.

– Ты знаешь, – начал он, – эти террористы очень крутые парни. Дуболомова они чуть не замочили. Нападение ведь было спланировано заранее и произведено внезапно, агрессивно и сокрушающе. Они твою дочь увезли в неизвестном направлении, но мы ее уже ищем. Я поднял по тревоге всех свободных от дежурства бойцов, и они рыщут по городу.

Бандит врал. Никто Катю не искал и искать не собирался. Герман решил поступить так: как только террористы потребуют выкуп и Репутатский договорится с ними о встрече, они с братвой устроят засаду и после передачи Кати расстреляют захватчиков. Герман никому не прощал оскорбления достоинства его фирмы, а значит, и его авторитета и всегда жестоко мстил. План был прост и надежен, но вот сработает ли он?

Вдруг раздался телефонный звонок.

– Сними трубку, – рявкнул Герман, – это они.

Альфред дрожащей рукой вынул сотовый телефон и, запинаясь, произнес:

– Да.

– Вас беспокоят люди, взявшие в плен вашу дочь, – послышался в трубке суровый бас Коновалова. Он специально бубнил в ладонь, чтобы его голос потом не опознали. Он надеялся, что Репутатский не обратится в милицию, а просто отдаст деньги и на этом эпопея закончится. Но не тут-то было.

– Мы требуем за нее выкуп в размере ста тысяч долларов. Если деньги не будут переданы нам к сегодняшнему вечеру, то завтра мы пришлем вам в конверте ее ухо, послезавтра нос, потом глаз и остальные части тела.

– Сто тысяч долларов! – вдруг взвился Репутатский, – да у меня таких денег и в помине нет. Сначала верните дочь, потом я вам пришлю деньги.

Услышав слова Репы, стоящий рядом Герман схватился руками за голову и чуть не заорал от негодования. Он подскочил к Альфреду, выхватил у него из рук трубку, зажал ее какой-то висевшей на стуле тряпкой, похожей на трусы Людмилы, и зловеще прошептал:

– Ты чего, идиот? Соглашайся на все условия, тяни время и торгуйся. Если они взяли в заложницы именно твою дочь, значит, они располагают о тебе некоторой информацией.

– Какой? – удивился Альфред.

– А такой! Они знают, что у тебя есть сто тысяч долларов в наличке, что они не последние, и ты их можешь им отдать. Они же не стали захватывать дочь какого-нибудь вонючего палаточника, у которого больше пяти штук в сейфе нет.

– А откуда у них эта инф… – начал базар Репа, но Герман его сильно ткнул трубкой в ребра, отчего тот крякнул и затих.

– Торгуйся с ними, пообещай найти деньги и договорись о звонке через час. Мы за это время приготовимся. – Он отдал телефон и облегченно выдохнул.

– Вы знаете, – начал торг Альфред, – у меня таких денег нет. Может быть, мы сойдемся на меньшей сумме. Я готов выплатить двадцать тысяч долларов. – Говоря эти слова, Репа покосился на главаря, а тот одобрительно кивнул.

Германа Розовощекова не трогала личная драма Репутатского и его Катенька. Он надеялся после разборок раскрутить Альфреда на кругленькую сумму. Если его братва угрохает террористов и доставит дочь отцу живой и невредимой, то выкуп автоматически перейдет к Герману. Также поднимется авторитет «Крутых кулаков» и лично Германа Тычи среди бандитской братвы Москвы. Кстати, Тычей его прозвали за то, что он всем говорил одну фразу: – Ты чего? Кличка накрепко прилепилась к Герману, и он сначала обижался, но вскоре свыкся с ней.

– Мы согласимся на сумму не меньее шестидесяти тысяч долларов, – вновь пробубнил Коновалов.

Он, Витек и Катя договорились запросить для начала сто тысяч, а потом в процессе торга снизиться до необходимых сорока. Этот ход придумала Катя. Зная жадность отца, его прижимистость и торгашество, она предложила поиграть с ним в аукцион.

– Ты резко не снижай, – тихо произнес Демин, стоящий рядом с телефонной будкой, откуда друзья производили звонок. Эта будка располагалась возле их дома.

– Шестьдесят – это много. Может, двадцать пять? – скривил физиономию Репутатский.

– Нет, пока остановимся на пятидесяти. И точка, – закончил Алексей. – Ищи деньги! – в довершение рявкнул он и повесил трубку.

– Правильно я сказал? – спросил он у друзей.

– Нормально, – кивнула девочка и взглянула на Коновалова. Он ей нравился все больше и больше. Вдруг она захотела, чтобы он, а не Альфред Репутатский был ее отцом.

– Может, надо было с него сто тысяч взять? – вдруг высказался Демин. Могли бы мне квартиру купить, а то после операции где нам со Светланкой жить-то.

– Ты слышал, он не спешит эти-то деньги отдавать, торгуется. Может, у него их нет? – Алексей вопросительно посмотрел на Катю.

– Есть у него деньги, есть, и мы их у него выбьем, – пообещала девочка. – А если вам еще доллары понадобятся, то возьмете меня в заложницы еще раз. Отец как раз к этому времени еще наворует. Может, вы так и мне велосипед купите, а то я давно его прошу, а он жадничает, обещает и не выполняет. А я так велосипед хочу, я ведь на нем кататься не умею и плавать тоже не умею.

– Что же тебя никто плавать не научил? – удивился Коновалов.

– Некому учить, я все одна и одна. Только книжки читаю, в балетную студию хожу и в школу. Большего мне не разрешают. А мамы нет. Она бы меня защитила.

Услышав эти слова, Алексей вдруг пожалел эту маленькую, одинокую девочку. В этом мире она была никому не нужна.

Он присел возле нее, погладил по плечу и вдруг неожиданно для себя пообещал:

– Куплю я тебе велосипед и плавать научу, даю слово.

– Правда? – с надеждой спросила Катя.

– Чистая правда.

У девочки лицо просияло, но ей до конца не верилось, что огромный, широкоплечий и совсем незнакомый дядька сдержит свое слово. Ее, Катю, в жизни очень много раз обманывали, и чаще всего ее отец.

Виктор вскинул брови и удивленно взглянул на друга. Он знал, что если Алексей что-то кому-то пообещает, то обязательно сдержит слово.

– Значит, ты сторговался с ним на пятьдесят тысяч долларов, – ухмыльнулся Герман. – Быстро они планку снизили, не похоже на профессионалов, – Тыча взглянул на Фому, а тот только пожал плечами.

– Дерется он как профессионал, а насчет денег… Может быть, они люди не богатые и таких бабок в глаза не видели – они для них целое состояние. Это нам пятьдесят штук баксов – тьфу, а им они позарез нужны, и они готовы снижать ставку и снижать.

– Возможно, – добавил Герман, – но надо с ними еще поторговаться и выяснить, сколько им на самом деле нужно. Если узнаем приблизительную сумму, то поймем их мотивацию и, может быть, додумаемся, для чего им деньги. А если это узнаем, то определим, кто они и как с ними бороться.

– Для чего же еще нужны деньги, как не пить, гулять, снимать баб, – высказался Репутатский.

– Деньги нужны не только для этого, – зло посмотрел на него Герман. – Я же ведь не пью, не гуляю и по бабам не хожу, так как женат, а вот баксы мне позарез нужны. В них власть и свобода выбора. А денег у меня не меньше, чем у тебя, а даже, я надеюсь, больше. Если бы кто-нибудь мою дочь в заложницы взял, то я бы без промедления выложил любую сумму и Лизонька была бы со мной. Потом, конечно, я этих гадов нашел бы и своими руками на куски порвал. Но тебе, видно, эти вонючие пятьдесят кусков дороже дочери, – Герман с презрением взглянул на Репу. Тот отвел глаза и промолчал. Ему было жалко денег, а о Кате он вообще не думал. Бывают же такие отцы.

Фома тоже укоризненно взглянул на Альфреда и хотел в знак презрения смачно сплюнуть на дорогой персидский ковер, но сдержался.

– Ладно, ты сиди дома, жди звонка, а мы займемся поиском твоей дочери, – сказал Герман. – Поторгуйся с ними, а разговор запиши вот на этот аппарат. – Бандит передал Репутатскому портативный магнитофон. – Прилепи присоску с микрофоном к трубке и включи запись, а мы потом послушаем. О встрече пока не договаривайся, тяни время, говори, что требуемая ими сумма есть, но нужно время, чтобы ее собрать.

Репа не сказал бандитам о том, что у Кати находится единственный ключ от его домашнего сейфа, в котором лежат два миллиона долларов и ключи от депозитной ячейки в банке. Даже если бы Альфред и захотел заплатить выкуп в пятьдесят тысяч, то не смог бы, так как все личные деньги он проиграл в казино, истратил на выпивку и стриптизерш.

Да, Репа влип в хреновую историю, но никому об этом не сказал. А кто же сознается, что он круглый дурак?

Бандиты встали возле «Мерседесов» и закурили.

– Поступим так, – начал босс, – для начала найдем свой джип и обыщем его. Может, они там оставили отпечатки пальцев или кое-какие вещи. Включай пеленг! – скомандовал он, и Фома пошел открывать багажник.

Братки разделились на две группы и поехали в разные части Москвы. Тыча, как всегда, был с телохранителем Шаманом, а Фома с Дуболомовым, Газилой и Клещом.

Связь они держали по мобильному телефону. Пеленгаторы были включены и издавали мерное попискивание. К тому же на приборах был установлен дальномер и цифры показывали примерное расстояние до объекта.

– Наш «Навигатор» где-то на востоке столицы, – передал по телефону Фома.

– Да, я тоже засек маяк. Сужаем поиск и движемся в направлении Восточного округа, – ответил Тыча.

Через час поисков «крутые кулаки» вырулили на Сиреневый бульвар, недалеко от того места, где Коновалов и Демин оставили джип. Бандитам потребовалось двадцать минут, чтобы обнаружить его в глухих дворах.

«Мерседесы» припарковали в пятидесяти метрах от «Навигатора», братки вылезли из машин и начали совещание.

– Вернутся они за ним или нет? – спросил Герман.

– Я думаю, они не вернутся, – высказался Фома, – но джип пока забирать не надо. Если они живут где-то рядом, то, увидев, что его нет, они переполошатся и переменят квартиру. Тогда мы их не найдем. А так у нас есть шанс их выследить и сцапать. Надо определить, откуда был произведен телефонный звонок Репе, и сопоставить информацию. Если они глупы, или наивны, то телефонная будка где-то рядом, во дворах.

– Кстати, вы проверили их проржавевший «Запорожец»? – спросил босс.

– «Жигуленок», – поправил его Фома. – Он остался у ментов. Ты помнишь, мы там краснухи пустили, и поэтому туда лучше не лезть, – покачал головой он и почесал подбородок. Он вспомнил сокрушительный удар амбала, искры из глаз и голубое российское небо в барашках белых кучевых облаков. Почему он вспомнил именно небо, он не знал. – Оставим одного наблюдателя в машине и подождем, может, кто-то из них появится.

– А кого оставим? – спросил Герман.

– Дуба. Он девку проворонил, пусть он и попарится в тачке. А если еще раз облажается – ты его накажешь.

– Ладно, это будет справедливо, – согласился Герман.

Бандиты отправились на обед в дорогой ресторан, а провинившегося Дуболомова высадили неподалеку от джипа «Навигатор». Его оставили на улице одного, так как лишней машины у них не было, а оставлять ему новый «Мерседес» Тыча не собирался.

– Жирно будет, – пробубнил он.

– Мы тебе пришлем пацана в подмогу, а пока потопчись полчаса, разомни копыта, – сказал Фома, сел в иномарку и умчался подобно вихрю.

Григорий сел на скамеечку и опасливо посмотрел вверх, не пристроилась ли над ним на ветке очередная ворона-проказница. Но деревьев поблизости не было, столбов и проводов тоже, и Дуболомов успокоился.

Теперь на нем была белоснежная шелковая рубаха, белые брюки и белые ботинки. Любил Гриня все белое. Кобуру он оставил дома, а «ПМ» протер тряпкой и положил в небольшую визитку.

Он посмотрел на джип и, не заметив ничего подозрительного, принялся глазеть на проходящих мимо девушек.

Герман, Шаман, Фома, Газила и Клещ приехали на обед в один из самых престижных ресторанов. По дороге Герман позвонил метрдотелю и заказал отдельный кабинет.

Фома связался с базой и приказал двоим бойцам на двух дешевых «Тойотах» выехать к Дубу и оставить ему одну из машин. Он дал адрес и справился, не было ли заказов на разборки. Убедившись, что все спокойно и происшествий нет, он доложил об этом боссу.

За это время Герман позвонил в уголовный розыск, своему другу Николаю Жабову и попросил проследить, откуда будет производиться телефонный звонок в квартиру Репутатского.

Полковник Жабов давно работал на банду Германа Тычи и зарабатывал на этом хорошие деньги.

Николай Степанович передавал боссу информацию о готовящихся арестах его клиентов, докладывал об облавах и наездах ОМОНа и всегда уводил банду от неприятностей. Он помог зарегистрировать охранное агентство и получить лицензии на хранение и ношение оружия. За все это Герман хорошо ему платил.

«Крутые кулаки» вошли в ресторан и под торжественные звуки оркестра двинулись по залу. Посетители с испугом, уважением и преклонением смотрели на них, многие кивали в знак приветствия, а некоторые даже вставали и кланялись.

Тычу здесь знали все – от метрдотеля до последней проститутки, – но не все знали, что ресторан платил дань именно ему и именно он обеспечивает его безопасность.

Бандиты вальяжно, вразвалочку прошли зал и скрылись за массивной дубовой дверью кабинета.

Стол был уже накрыт. Можно было бы сказать, что он ломится от яств, но он был дубовый, прочный, и выдержал бы еще и Фому, Дуболомова и Шамана, вместе взятых.

Парни расселись по местам согласно субординации и начали трапезу. Герман сел в центре стола, а справа и слева от него Шаман и Фома. Далее расположилась более мелкая сошка – Клещ и Газила. Дисциплина в рядах «крутых кулаков» была первостепенным делом. Когда Герман говорил, никому не разрешалось его перебивать. Для того чтобы заслужить право слова на совещании и чтобы тебя с уважением выслушали и приняли твое мнение к сведению, нужно было делом подтвердить свой авторитет. Иначе боец всю жизнь мог прослужить «в быках» (рядовых, малооплачиваемых бойцах, выполняющих «черную» работу и служащих пушечным мясом на разборках). Быков в охранном агентстве было много, и Герман таких с собой в ресторан вообще не брал. И сегодня с ним за столом пировали только авторитетные парни.

«Крутые кулаки» по ресторанам ходили редко – было много дел, но если раз в месяц Тыча собирал их на трапезу, то была она обставлена по высшему разряду.

По центру стола красовался блестящий, из позолоченного серебра поднос с зажаренным, сочным поросенком. Он был покрыт розовой, сладкой, хрустящей корочкой и сам просился на зубы. Вокруг него были разложены печеные яблоки, груши, картофель и всякая зелень. Рядом на серебряном, продолговатом блюде возлежал варено-копченый осетр длиною больше метра. Его узкая морда с дырочками ноздрей и полуоткрытым зубастым ртом говорила о том, что он на своем веку сглотнул немало мелкой рыбешки. Маленькие, пластмассовые глазки поблескивали в лучах ламп, и казалось, что он вот-вот оживет, махнет хвостом, посшибает посуду и бокалы и спрыгнет со стола.

С другой стороны, на круглом фарфоровом, расписном и позолоченном блюде растопырил свои клешни огромный тихоокеанский краб. Его красный, в зловещих шипах панцирь красовался среди свиты больших королевских креветок, в кустиках петрушки, сельдерея и укропа.

Несколько тарелок с курочками-гриль были расставлены по всему столу. Среди них возвышались розетки с красной и черной икрой, грибочками, маринованными огурчиками и помидорами. Салатов было больше двадцати. Гвоздем программы в форме остроконечной египетской пирамиды возвышался салат «Декаданс», изготовленный по оригинальному рецепту шеф-поваром ресторана Лаврентием Берией. Так маститого кулинара окрестил сам Герман. Когда первый раз он пригласил его к столу, чтобы поблагодарить за отменный, вкусный ужин, он увидел, что тот как две капли воды похож на Берию. Сначала Германа поразило удивительное сходство: тот же овал лица, тот же нос, глаза и пенсне, и он грешным делом подумал: «А не внебрачный ли сын покойного председателя НКВД перед ним». Такое могло случиться. Мало ли у Берии было женщин. Теперь весь «Метрополь» дразнит повара Лаврентием Павловичем, хотя зовут его Иммануил Исаевич Цап.

Бандиты повязали на свои толстые, мясистые шеи белые простынки и приготовились к поглощению яств. Вино никто из «крутых кулаков» не пил – Герман запрещал, а вот соки, пепси-колу и минеральную воду пили в изобилии.

Через час они, сытые и довольные, тяжело дышащие, выкарабкались из-за стола и поплелись к выходу. Герман Тыча оставил на столе плату за обед и на подкашивающихся ногах побрел из кабинета.

То, что увидел официант, когда пришел за деньгами, было для него потрясением. За час «крутые кулаки» съели все, что можно было съесть. В позолоченном блюде горкой валялись обглоданные поросячьи ребра. От осетра остался только спинной плавник, хребет и пара хрящей, от краба только панцирь. Курочки превратились в горки трубчатых костей, обглоданных и обсосанных. Картофель, буженина, телятина, сырокопченые колбасы разных сортов, несколько видов салатов, рыбные и мясные ассорти и заливные, свежие и соленые грибочки, трепанги, омары, устрицы, кальмары, раки, соусы, пирожные, пять тортов, мороженое с орехами, овощи, фрукты и двадцать литров соков – все это исчезло без следа.

– Ешь – потей, работай – мерзни, – довольно пробубнил Газила, садясь в «Мерседес». Он захлопнул дверцу и сильно, зычно пукнул.

– Опять ты глумишься, пердун, – выругался Фома. – Да ты своим пердежом весь кайф испортил. Годзилла! – Он быстро выскочил из машины и закрыл дверь. – Чтоб ты обосрался.

– Вставьте ему затычку в очко, – усмехнулся Тыча.

Вдруг зазвонил телефон. Герман поднял трубку и услышал голос полковника Жабова.

– Это я, – не называя себя, начал тот.

– Что у вас?

– Звонок был произведен с аппарата номер тысяча двести девяносто один. Он находится на Щелковском шоссе. Все, – закончил он и положил трубку.

– Фома, – позвал босс, – дай-ка карту уличных телефонных аппаратов.

Бригадир достал не обычную туристскую карту с названиями станций метро и маршрутов пассажирского транспорта, а карту телефонных аппаратов. Ее используют в своей работе ремонтники таксофонов.

– Вот этот номер, – ткнул в карту Фома, – это во дворах, недалеко от брошенного джипа.

– Свяжись с Дубом и прикажи ему проверить все окрестные телефоны. Пусть найдет нужный и ждет нас. Мы выезжаем. – Босс сел в машину и захлопнул дверцу.

Бандиты уселись во второй «Мерседес» и помчались на помощь Дуболомову.

Гриня посидел полчаса на скамейке, потом сходил купил мороженое и мигом его съел. Время тянулось медленно, а террористов все не было и не было.

«Может, они сюда не вернутся», – думал он.

Вдруг зазвонил телефон. Это был Фома.

– Дуб, обойди все телефонные будки в округе и посмотри, нет ли телефона с номером тысяча двести девяносто один. Если найдешь – сразу сообщи, но возле него не околачивайся. С этого аппарата звонили Репе.

– Понял тебя, – ответил Гриня.

Фома уже хотел повесить трубку, но потом решил немного поиздеваться над высокомерным Дуболомовым и продолжил: – Как там у тебя дела, проголодался?

– Да, очень сильно, – пожаловался Гриня. – Если так дальше пойдет, то я массу потеряю, похудею и не смогу на все сто процентов выполнять свою работу.

– Зевать на службе и упускать захватчиков, – съязвил Фома.

Дуболомов замолчал и только тяжело засопел.

– А мы только что с боссом в кабаке были и прекрасно покушали. Там была такая жрачка, – все объелись.

– Да, – с завистью промямлил прожорливый Гриня, – а мне ничего не захватили?

Фома решил его больше не доканывать и сообщил:

– Кое-что прихватили…

– Спасибо, брат. Я вас жду, приезжайте.

Возле супермаркета Фома остановил машину и сказал:
– Зайду, куплю что-нибудь Дубу, а то он там голодный мается.

Глава 5

Григорий пошел по подворотням читать номера на телефонных аппаратах. Через десять минут он нашел тот самый телефон № 1291. О чем и доложил Фоме.

– Молодец, будет тебе от меня премия в виде торта, – пообещал тот. – Теперь иди к «Навигатору» и жди нас.

Незамедлительно Фома позвонил Герману, ехавшему впереди, в первом «Мерседесе»:

– Дуб нашел будку.

– Отлично. Вызови пять человек с базы на трех машинах и чтобы все были с оружием и в бронежилетах. Пусть нам тоже привезут амуницию и пулялки.

– Я уже послал двоих на подмогу Дубу, но они, видимо, еще не доехали. Я думаю, людей надо больше, поэтому эти двое не помешают.

– Действуй, – Герман предчувствовал удачный исход операции и поэтому начал заводиться.

– Шаман, дави на газ, едем на Щелковское шоссе.

«Мерседесы» резко увеличили скорость и помчались по пустынным улицам Москвы, не обращая внимания на светофоры.

Фома позвонил на базу и поднял по тревоге группу быстрого реагирования. Пять накачанных, набитых в тренировках по рукопашному бою мордоворотов-быков натолкались в два «БМВ» и помчались на дело.

Григорий сел на скамейку и осмотрелся. Джип «Навигатор» стоял на противоположной стороне улицы, на своем месте, и никто к нему не подходил. Террористов не было, и Гриня погрузился в сладкие мечтания, касающиеся предстоящего вкусного угощения.

Неожиданно к джипу приблизился высокий широкоплечий мужчина, с короткой стрижкой. Он воровато осмотрелся, потом засунул в замок большую, г-образную, сплющенную на конце отмычку, резко крутанул ее и открыл дверцу. Затем он залез внутрь. Дуб аж на месте подскочил. У него появился шанс оправдаться перед братвой и захватить в плен одного из террористов. Наверное, Гриня немного подзабыл неурядицы, обрушившиеся на его тупую голову.

Он выхватил из визитки пистолет Макарова, передернул затвор и кинулся на противоположную сторону улицы, наперерез джипу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.